

НѢВСКІИ ЗРИТЕЛЬ

1821

КНИЖКА III

НЕВСКІЙ ЗРИТЕЛЬ,

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Я Н В А Р Ъ .

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Медицинской Типографіи.

1 8 2 1

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чшобы до выпуска изъ шипографіи предспавлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній.
С. Пешербургъ, Января 5 дня 1821 года.

*Цензоръ, Статск. Совѣт. и Кавалеръ Ив.
Тилковскій.*

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стран:

I. ИЗЯЩНАЯ ЛИТТЕРАТУРА	
а) ПРОЗА.	
Объ Элегическихъ поэсахъ Греціи	1.
Воклюзскій источникъ	12.
б) СТИХОТВОРЕНІЯ	
Омеръ	34.
Дружество (<i>Идиллія Біона</i>)	36.
Заблужденіе	37.
Романсъ	38.
Спутники Уллисовы (<i>Сказка</i>)	39.
Опвѣшь	46.
Эпиграммы	47.
II. ПРАВЫ.	
Провинціальъ въ Пешербургѣ	48.
III. КРИТИКА.	
Письмо къ <i>Г. Марлинскому</i>	56.
IV. ИСТОРИЯ и ПОЛИТИКА.	
О состояніи вещей и политическомъ по- ложеніи Государствъ Европы	66
V. СМѢСЬ	
а) Примѣчаніе на липше Арпиллерійскихъ орудій	75.
б) Бандиты въ Италіи	93.
в) Объ иноснранныхъ шеапрахъ	101.

	Стран.
г) Живопись	105.
д) Музыка	110.
е) Иностранная Литература	113.
ж) Литературныя анекдоты	—
з) Разныя извѣстія	114.
VI. ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ	118.

НЕВСКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

ИЗЯЩНАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

А) ПРОЗА.

а) ОВЪ ЭЛЕГИЧЕСКИХЪ ПОЭТАХЪ ГРЕЦІИ.

Мы раздѣлимъ ихъ на два разряда. Первой сославяшъ писатели Элегій, извѣстные шакъ же и въ другихъ родахъ поэзіи, а второй шъ, копорые прославились однѣми Элегіями. Въ первой разрядъ помѣсимъ *Архилоха*, съ острова Пароса; *Клонаса*, уроженца Тегейскаго, по преданію Аркадіянь, и Фивскаго, по лѣпописямъ Беопіянъ; *Поллинеста*; *Сафу* изъ Мишилены, *Эхила*, *Эврипида*, *Іона*, *Меланѳіа*, *Александра Эполіянина*; *Антимаха* изъ Колофона или Клароса—города Іонійскаго; *Эвфоріона* изъ Халкиса, что въ Эвбей, и *Парвенія*.

Клонась былъ Элегическій и вмѣстѣ Эпическій поэтъ. Хотя изъ твореній его до насъ ничего не дошло; но должно полагать, что онъ блисталъ отличнѣйшимъ Геніемъ, ибо два народа спорили о славѣ быль его сопечественниками.

И о Полимнестѣ, жившемъ за нѣсколь-ко столѣтій до Кира, имѣемъ не болѣе свѣдѣній. Ему, по недосповѣрному преданію, приписываютъ изобрѣшеніе героическаго и элегическаго стиховъ.

По свидѣтельству Свида, Сафо написала многія Элегіи; если судить по оставшимся стихамъ сей знаменитой Гречанки, то едва ли кто превосходилъ ее въ семь родъ Поэзіи.

Одинъ древній писатель увѣряетъ, что Эсхиль оспаривалъ награду за Элегіи у Симоныда и — былъ имъ побѣжденъ.

Лучшая образцовая Элегія, оставленная намъ Греками, есть та, которую говоритъ Андромаха въ Эврипидовой трагедіи сегоже имени *).

(*) Русской переводъ сей Элегіи помѣщенъ въ 15 кн. Сына Опечества, на 1819 годъ.

Іонъ, сынъ Орѳомена, родился на островѣ Хіо. Поэтъ сей влюбился въ Хризиллу, дочь Телея, Коринѳянина. Соперникомъ его былъ Перикль. Хризилла предпочла знаменитаго военачальника поэшу, кошорый, въ печали, написалъ прогашельныя Элегіи. Опырки стихотвореній его, сохраненныя намъ Аѳинеемъ, суть похвалы Бахусу.

Изъ произведеній Меланѳія дошло до насъ одно *двустихіе*, въ кошоромъ поэтъ сей выхваляетъ Кимона, Аѳинянина.

Александръ Эполійянинъ родился въ Плеронѣ, городѣ Эполійскомъ, и жилъ въ царствованіе Пполемея-Филадельфа; древніе писатели единогласно хвалятъ пріятность и легкость его стиховъ. Тиральдъ полагаетъ, что и Виргилій не погнушался заимать изъ стихотвореній Александра нѣсколько мѣстъ.

Олимпіодоръ выхваляетъ Элегіи Аристошеля, посвященныя Евдему, а Діогенъ-Ларцій упоминаетъ объ Элегіи, написанной симъ же *философомъ* къ своей любовницѣ.

Плапонъ такъ уважалъ стихотворенія Анпимаха, что посылалъ за оными на родину сего поэта. Квинтиліанъ назначаетъ

ему второе мѣсто между эпическихъ поэтовъ. Императоръ Адрианъ предпочиталъ Анпимаха Омеру, котораго шворенія хотѣлъ запрегнати. Термезіанакъ увѣряетъ, что Анпимахъ, плѣнясь нѣкоторою женщиною, по имени Лида, послѣдовалъ за нею на берега Пакпола, и что, бывъ свидѣтелемъ ея кончины, онъ возвратился въ Колофонъ, гдѣ и написалъ самыя прогашельныя Элегіи. Плущархъ говоритъ, что сей поэтъ приводилъ себѣ на память всѣ несчастія, постигшія Царей, дабы воспоминалъ объ оныхъ, утѣшившись въ собственномъ злополучіи.

Эвфоріонъ, сынъ Полиместа, образовавшій вкусъ свой въ Поэзіи подъ руководствомъ Архивула, приобрѣлъ дружбу Царицы Никіи, благошворившей ему. Помомъ онъ перешелъ въ Сирію, къ Антіоху Великому; государь сей поручилъ ему смотрѣніе за своимъ книгохранилищемъ. Корнелій Галль перевелъ часпъ мелкихъ стихошвореній Эвфоріона; а Парвеній заимшвовалъ нѣкоторыя изъ оныхъ въ своихъ эропическихъ пѣсняхъ.

Пароеній, уроженецъ Никейскій, былъ взявъ въ плѣнъ Цинною во время войны Мишпридаша; но, уважая его дарованія, ему вскорѣ возвратили свободу. Пароеній издалъ многія сочиненія; изъ коихъ до насъ дошли однѣ его эротическія пѣсни. Аршемидоръ называетъ его элегическимъ поэтомъ; а Свида приписываетъ ему Поэму на смерть Аршеи его супруги, и Элегіи, посвященныя Венерѣ.

Архилохъ, сынъ Телезикла, жилъ за шестьсотъ шестидесятъ три года до Рожд. Хрис.— Онъ изобрѣлъ особенной размѣръ стиховъ для Сапиры. Въ семь родѣ Поэзіи, сходномъ съ его характеромъ, онъ прославился. Архилохъ влюбился спраспно въ дочь Ликамба, заживочнаго гражданина Паросскаго. Ликамбъ обѣщавъ выдать за него дочь свою; но явился женихъ богачѣ его и — Архилоху отказали. Въ первомъ жару гнѣва онъ написалъ Сапиры на весь домъ Ликамбовъ; ихъ пѣли всенародно: семейство сіе, споль жестоко осмѣянное, съ опчаянія лишило себя жизни. Архилохъ не щадилъ ни кого: друзья, родственники, мать, ни кто неизбѣжалъ его Сапирь. За развратность свою,

онъ былъ изгнанъ изъ опечества, а дерзкія его стихопворенія заградили ему входъ въ Спарту. Архилохъ въ нищетѣ долго блуждалъ изъ города въ городъ. Однакожь онъ былъ въ Олимпіи, во время игръ, споль славившихся у Грековъ. Его допустили къ соспязанію—и онъ получилъ награды въ музыкѣ и Поэзіи. Граждане Паросскіе призвали его къ себѣ; но онъ недолго наслаждался шамъ спокойспвіемъ; хопя слава, имъ пріобрѣщенная, казалось, и примирила съ нимъ людей; но Провидѣніе не оставило безъ наказанія его распущспва — рука убійцы прекратила жизнь его. Спобей сохранилъ намъ прекрасный опривокъ изъ Элегіи Архилоха.

Древніе поэпы, пріобрѣвшіе славу въ Поэзіи единспвенно Элегіями, суть: *Каллинъ*, *Милнерлъ*, *Періандръ*, *Питтакъ*, *Солонъ*, *Хилонъ*, *Гиппій*, *Сакадъ*, *Ксенофанъ*, *Симонидъ*, *Гермезіанаксъ*, *Миро*, *Ираклитъ*, *Филетъ* и *Каллимахъ*.

Каллинъ, уроженецъ Эфесскій — одинъ изъ знаменитѣйшихъ Элегическихъ Поэповъ. — Онъ написалъ спихами испорію своего времени. Полагаюпъ, что онъ жилъ почти

за тридцать лѣтъ до основанія Рима. До насъ дошелъ изъ Элегій его одинъ полько отпрывокъ, сохраненной Спобеемъ.

Мимнермъ, древнѣйшій изъ пворцевъ Элегій, послѣ Каллина — воспѣвалъ въ нихъ любовь.

Періандръ, Пипшакъ, Солонъ, Хилонъ, Гиппій, писали элегическимъ размѣромъ свои правила Религій, нравственности и Политики. Полагають, что лихась письменъ сихъ мудрецовъ, исключая пвореній Солоновыхъ, должно болѣе жалѣть объ ихъ нравоучительныхъ, нежели спихопворныхъ произведеніяхъ. Касательно же Солона, Платонъ говоритъ въ своемъ Тимеѣ: еслибъ мудрецъ сей поспояннѣ обращался съ Музами, то сравнялся бы съ самимъ Омеромъ. Плутархъ пишетъ, что Аѣиняне послѣ гибельнаго для нихъ сраженія съ Мегарянами при Саламинѣ, подъ смершною казнію запршили писать о семъ походѣ. Солонъ, считая такое запрещеніе поноснымъ для своего опечесства, припворился съумасшедшимъ, написалъ Элегію, читалъ ее безпреспанно, и сдѣлалъ ею такое впечатлѣніе на народъ и самага Пизиспраша, что за-

явление опмѣнили и—война возгорѣлась съ большею прошивъ прежняго силою. Сіе швореніе, названное *Саламина*, заключаетъ въ себѣ сто стиховъ. До насъ дошли весьма немногіе опривки изъ стихопвореній Солоновыхъ.

Сакадъ, родившійся въ Аргосѣ, славился почти въ одно время съ Солономъ; онъ прикратно получалъ награды за Элегіи, на Пифейскихъ играхъ. Въ честь Сакада воздвигли на Геликонѣ спашую, подлѣ спашуй Аріона и Тамприса. Мы ничего не имѣемъ изъ Элегій Сакада — Элегій споль его прославившихъ; вѣроятно, предметомъ ихъ было уныніе, ибо пѣніе оныхъ сопровождалось звуками флейпы. Сакадъ занимался такъ же и лирическою Поэзіею. Эпаниондъ лирическія его стихопворенія вѣлмъ пѣшь при обрядахъ освященія города, имъ выпроеннаго, который, въ послѣдствіи времени, населили Мессинцы.

Досповѣрно неизвѣстно время рожденія и кончины Ксенофана, урожденца Колофонскаго, знамениаго равно и Философіей и стихопвореніями своими. Аѳиней сохранилъ

намъ опривокъ изъ Элегій его прошивъ Олимпійскихъ игръ.

Симонидъ, родившійся на островѣ Кеосѣ, славился во время Ксерксова похода; пѣсни его прогашельны и онъ имѣлъ особенный даръ возбуждать чувствительность. Выраженія его, исполненыя просшопы, нѣжности и гармоніи, проникали въ душу слушателей. Элегіи его назывались: *Симонидовы слезы*. Въ преклонныхъ уже лѣтахъ состязался онъ съ Эскимомъ и побѣдилъ его. Ни одинъ Поэтъ не сдѣлалъ столько успѣховъ въ Элегіи, какъ Симонидъ; изъ швореній его оспалось только: *жалоба Данаи*, написанная лирическимъ размѣромъ, и нѣсколько опривковъ, собранныхъ Сшобеемъ.

Миро, родившаяся въ Византіи, Элегіями своими приобрѣла большую славу; но сія знаменитая женщина извѣстна нынѣ только — похвалами, которыя приписывали ей стихотворцы ея вѣка.

Древніе писатели съ похвалою опзываются о пріятности Элегій Ираклиповыхъ, Каллимахъ, оплакивая смерть сего поэта, говорятъ: *житель Галикарнасскій! что стало днесъ изъ тебя? прахъ; но Элегіи*

твои вѣтны, и время, все сокрушающее не дерзнетъ ихъ коснуться: къ несчастію, послѣднее не исполнилось, и до насъ не дошло ничего изъ пвореній Ираклиповыхъ.

Гермезіанаксъ, родившійся въ Колофонѣ, написалъ при книги Элегій и Элегическіе стихи прошивъ Эврипіона. Гермезіанаксъ былъ современникъ Эпикура. Онъ спрасшно влюбился въ Леонтію — знаменишую своею распушною жизнію, и сія по спраспъ внушила ему большую часть его стихопвореній. Сograждане его воздвигли ему памятникъ. Аѳиней передалъ намъ опрывокъ изъ прешей книги Элегій Гермезіанакса; а Парѳеній сохранилъ многія изъ пвореній его.

Филепъ, сынъ Телеа, родился на оспровѣ Кòсѣ. Онъ, плѣнясь Башписой (или Бишписой), посвящаль ей многія Элегіи, приобрѣшшія ему такую славу. Поэшу сему воздвигли бронзовую спашую, копорая изображала его подъ яворомъ, воспѣвающаго Бишпису. Эліенъ описываетъ Филепа такимъ малорослымъ и сухимъ, что будпо онъ привязываль къ ногамъ свинець, дабы не унесло его вѣспромъ. Время истредило

почти всѣ творенія Филепа; но дошедшія до насъ показываютъ уже опличное его дарованіе. Квинтилианъ назначаетъ ему второе мѣсто между Элегическихъ поэтовъ.

Каллимахъ, почивавшійся въ древности величайшимъ Элегическимъ поэтомъ, родился въ Сиренѣ (Африканскомъ городѣ) и жилъ въ царствованіе Птоломея Филадельфа и Птоломея Эвергета, которые осыпали его милостями. Древніе писатели говорятъ, что стихи его изящны и преисполнены спраси, и что постоянная и нѣжная любовь его къ прекрасной Лидѣ была источникомъ счастья и вмѣстѣ славы его. По обрядамъ древности, онъ получилъ пальму, побѣдя всѣхъ своихъ соперниковъ.

Одна любовь творитъ истинныхъ Элегическихъ поэтовъ.

Съ Франц. М. Яковлевъ.

6) ВОКЛЮЗСКІЙ ИСТОЧНИКЪ,
ИЛИ
ЛЮБОВЬ ДВУХЪ СЛѢПЦОВЪ.

(Изъ Hérnite en Province)

Je redemandais Laure à l'écho du vallon,
Et l'écho n'avait point oublié ce doux nom,
Delille.

Tout, le bien et le mal, le plaisir et les peines,
Tout, entre deux amans doit être partagé.
Regnard, Ménechmes.

. Г. Моншеваль не могъ прово-
жашь меня до Воклюза, шакъ какъ онъ обѣ-
щался. Беременность жены его не позво-
ляла ему оплучиться изъ дому на долгое
время; но стараніями его я надѣялся най-
ти въ Лиллѣ (маленькомъ городкѣ по моей
дорогѣ) молодаго человѣка, о которомъ
Майоръ говорилъ мнѣ весьма много хоро-
шаго и которой долженъ былъ провожашь
меня къ источнику.

Приближаясь къ уединенному домику, гдѣ меня ожидали, я оспановилъся подлѣ забора, за копорымъ какой-шо человекъ, коего я еще не видѣлъ, пріяпнымъ голосомъ пѣлъ слѣдующій куплетъ изъ романса. При первыхъ словахъ я заключилъ, чпо путь дѣло идетъ обо мнѣ.

Приди, пустынный пилигримъ,

На голосъ сей, тебя зовущій!

Тебѣ мы скорбь опкрыть хотимъ:

Приди, обрадуй наши кущи!

Подъ видомъ крошости, злой духъ

Здѣсь мирную пѣснись обитель....

Пустынный, сѣшующихъ другъ!

Будь намъ — пустынный утѣшитель!

Я не могъ недогадаться по сему лесному призыву, чпо это дѣйствительно молодой другъ Майора Моншеваля — и былъ пріяпнъ опъ его семейсшва съ самымъ любезнымъ чиспосердечіемъ. Какъ бы пріяпно мнѣ было, изъявивъ имъ мою признательность, назвавъ ихъ по именамъ; но еспи такія обспоятельствва, въ копорыхъ должно выбирать время для шого, чшобъ быше *открыто* добрымъ человекомъ; и добродѣшель иногда подвергается опасности; сдѣлавшись гласною. И такъ я ничего не ска-

жу о добрыхъ моихъ хозяевахъ и скромно отправлюсь въ дорогу съ молодымъ Адрианомъ, для принесенія, хошя и поздней, жертвы Наядѣ Воклюзской.

Вышедши изъ небольшого красиваго городка, подъ спѣнами коего протекаетъ Сорга, мы пустились по тропинкѣ, копорая спановилась часъ опъ часу уже, чѣмъ далѣ идешь. Тропинка сія лежитъ между правымъ берегомъ рѣки и скалою, копорая, кажешся, какъ бы нарочно прорѣзана по краямъ. Съ одной спороны луга, дороги, обсаженныя пополами, движеніе и опдаленный шумъ бумажныхъ фабрикъ; съ другой, нѣскольکو бѣдныхъ хижинъ, коимъ сводъ скалы служилъ вмѣсто кровли. Смотри на сію часпъ карпины, думаешь, что видишь первые шаги человѣка къ общежишію, когда онъ, въ дикой своей недовѣрчивости, боялся еще опспавить пещеры и скалы, чшобы поселиться въ долинахъ.

Но вопъ уже мы видимъ двѣ красныя арки небольшого деревяннаго моста, ведущаго къ селенію Воклюзскому. Сначала по-

разила меня противоположность избыточества и бѣдности, кои вижу между сею полною маленькихъ нищихъ въ рубищахъ, сими полуразвалившимися хижинами, и пѣми большими домами, копорые построены со вкусомъ и обспавлены цвѣпочными горшками, такъ, что онѣ кажутся висящими на воздухѣ садами.

Входимъ въ гостинницу, носящую пышное названіе *гостинницы Лауры и Петрарки*. Нѣсколько шелковичныхъ деревьевъ, защищающихъ любители вина отъ солнечнаго зноя; небольшая канава, длж саженія въ запасъ рыбы; споловая, въ копорую со всѣхъ споронъ дуешь вѣперъ и копорой спѣны хозяинъ никакъ не соглашается починить, чтобы не спереть покрывающихъ оныя именъ, чиселъ и надписей—вошь предметы, опличающіе сію *гостинницу* отъ прочихъ деревенскихъ поспоялыхъ домовъ.

Я думалъ, что въ мѣсцахъ, прославленныхъ пѣснями Петрарки, Делия и Г-жи Вердьеръ де Нимъ (*), — я думалъ, говорю, найпи въ семь альбомѣ для путешествен-

(*) Приведенными въ запискахъ Палиссо.

никовъ, спихи, если не совсѣмъ достойные
своего предмета — покрайней мѣрѣ внушен-
ные воспоминаніями влюбленнаго и Спихо-
шворца. Но долженъ сказать къ стыду лю-
бовниковъ и прубадуровъ, оспанавливавших-
ся въ гостинницѣ Лауры и Пепрарки, что
ни одинъ изъ нихъ не оставилъ даже и
слѣдовъ ни любви, ни спихошворства.

Послѣ весьма нероскошнаго обѣда, въ
которомъ лучшее блюдо составляли форе-
ли, вынушыя изъ сажелки, мы пошли къ
пруду источника, за четверть мили отъ го-
стинницы. Двойная цѣпь утесовъ, скрыва-
ющихъ въ помъ мѣспѣ покъ рѣки, засло-
няешъ отъ взоровъ сей прудъ до тѣхъ поръ,
пока не подойдешъ къ оливковымъ деревь-
ямъ по дорогѣ, высѣченной въ разсѣлинахъ
каменныхъ громадъ. Деревья сіи посажены
на пространствѣ, поддерживаемомъ стѣною
изъ булыжника, которую издали мы приня-
ли за развалины какого нибудь амфиштеат-
ра. Идучи далѣе, видишь нѣсколько разсѣян-
ныхъ шамъ и сямъ деревьевъ, нѣсколько по-
лузасохшихъ расстѣній, выходящихъ изъ сей
каменистой почвы; вскорѣ попомъ она пред-
составляешъ однѣ только огромныя груды

скаль, взвѣшенныхъ, шакъ сказаць, на сло-
яхъ опломковъ, кои гошовы успушишь шя-
жеспи и увлечь ихъ съ собою въ пропасть.
На другой споронѣ находишь оспроконеч-
ный холмъ, и рѣка шихо льешия у подошвы
его по мшишному дну.

До сихъ поръ ничто еще не напоминало
мнѣ о близости сего волшебнаго источни-
ка, о кошоромъ я составилъ себѣ шоль
пынное поняпие, чипая Пепрарка. Я начи-
наль уже думаць, что въ шысячной разъ
на моемъ вѣку я обманушь описашельными
Сшихотворцами; я поглядываль вокругъ съ
видомъ пренебреженія; но вдругъ — вода ре-
вешъ, пѣнишия, спремишия въ попокахъ,
подымаешся въ брызгахъ и снова падаешъ
каскадами по черноватымъ скаламъ, и снова
брызжешъ въ шысячи разнообразныхъ ви-
дахъ. „Прелестно!“ вскричалъ я, хлопая ру-
ками, какъ бы при великолѣпной перемѣнѣ
декорацій.— „Не говорилъ ли я вамъ?“ приба-
вилъ молодой мой проводникъ, кошорой, ка-
залось, самъ наслаждался моимъ удивленіемъ.“
И мы подходили ближе и ближе, чувствуя
однакожь нѣкошорой шайной ужасъ при ви-

дѣ волнь, которья дробилась у ногъ нашихъ, но не могли до насъ достигнуть.

Мы дошли до подошвы одной опвѣсной скалы, висящей надъ прудомъ на ужасной вышинѣ; здѣсь шумъ каскада слышится только въ продолжительныхъ опголоскахъ эха, которое не забыло еще половину имени Лауры, какъ увѣряешь Дюпапи въ *письмахъ объ Итали*.

Проводивши меня къ самому началу испочника (обширному жерлу, въ коемъ никакимъ промѣромъ не лзя опыскашь глубины), Адрианъ свель меня по маленькой пропикѣ въ пещеру, скромную свидѣтельница вздоховъ Лауры и Пешрарки. Я не желаю чернить, по прошествии пяти вѣковъ, добродѣтель сей госпожи, прославленной своимъ любовникомъ, и не скажу столь рѣшительно, какъ Г-жа Дезульеръ, что происходило въ семъ таинственномъ убѣжищѣ между прекраснѣшею изъ женщинъ и самымъ спрашнымъ изъ Поэшовъ. Знаю только, что на мѣстѣ владѣльца Соманскаго (*),

(*) Гугъ де Садъ, владѣлецъ Соманскій, былъ женатъ на Лаурѣ де Садъ, извѣстной подъ именемъ *прекрасной Лауры*.

мужа прелестной Авиньонянки, я не столько бы полагался на доверчивость попомства, и что для меня показались бы немного подозрительными сіи частыя посѣщенія Воклюзской пещеры. Какъ бы то ни было, шамъ происходило, безъ сомнѣнія, все хорошее: добрая слава Лаурина опть шого не пошерпѣла, Пешраркова возвеличилась, а доверчивой супругъ никогда не жаловался; всѣ прое жили они въ тѣснѣйшей дружбѣ: не спанемъ же поселишь несогласія между мирными ихъ тѣнями!

Я не повѣрилъ нѣсколькимъ вензеловымъ именамъ сихъ любовниковъ, вырѣзаннымъ шамъ и сямъ на камнѣ, и коихъ неудачное разнообразіе уже показываетъ руку повѣйшихъ временъ.

Адріанъ сказывалъ мнѣ, что пещочникъ, бывшій въ сіе время наравнѣ съ поверхностію почвы, поднимается иногда до фиговаго дерева, кошорое онъ мнѣ указалъ, и кошорое Природа какъ будто бы для шого посадила въ разщелинѣ ошвѣсной скалы, чшобы показывать высоту воды пещочника. Ничто не можетъ бышь великолѣнѣе еей каршины, продолжалъ онъ: пещера пеще-

заешь, весь объемъ воды подымаешся горою и падаешъ въ видѣ свода надъ головою зришеля, который опасается заблудиться въ семь влажномъ лабиринтѣ.

При видѣ сихъ великихъ предметовъ, какъ малъ мнѣ кажется сей каменной сполпъ, воздвигнушый въ честь Пепрарка иждивеніемъ и спараніемъ Аѳиня Воклюзскаго! Нѣкто, человекъ со вкусомъ, оцѣнилъ его по достоинству въ слѣдующихъ стихахъ, написанныхъ карандашемъ на самомъ возвышенномъ мѣстѣ пьедестала:

Выдъ изъ пещерь пвоихъ, изпоргни камень сей,
О Нимфа! да пвой гнѣвъ его не пожалѣешь:
За честь любовника Лаура здѣсь краснѣешь,
И ты должна краснѣшь за честь воды
пвоей (*).

Преданіе говоритъ, что замокъ, споящій на высотѣ сихъ горъ, былъ построень Пепраркомъ; Адрианъ не вѣритъ тому и я совершенно согласенъ съ доказательствами,

(*) *Nymphé, sors en courroux de tes grottes profondes,*

Viens renverser ce monument!

Laure en rougit pour son amant:

Tu dois en rougir pour tes ondes.

копорыя онъ приводишь. „Еслибы Спихо-
шворецъ Воклюзскій, говорилъ мой любез-
ной проводникъ: вздумалъ поспроить замокъ,
по неужли онъ не выбралъ бы мѣста по-
среди сихъ прелесныхъ долинъ, копорыя
онъ пѣлъ (*), и коихъ сельскіе цвѣшны па-
дали въ видѣ золотого дождя на ерудь
прекрасной его любовницы? на берегу сихъ
водъ, копорыя столь сладостно лелѣали
ея нѣжныя ноги? подъ шѣнію сихъ деревь,
на копорыя птицы слетались, чтобъ ее
слушать? между сими добрыми поселянами,
кои говорили, проходя подъ ея окнами: *серд-
це ея отверзлось для любви; можетъ ли
оно быть закрыто для состраданія и бла-
готворительности?*“

Справедливѣе всего, что замокъ сей при-
надлежалъ одному Кардиналу, Епископу Ка-
вальйонскому и другу Пешрарки (это самое
лучшее его шипло). Сія башенки, сія зуб-
цы показывающъ, что онъ поспроены въ
тѣ времена, когда каждой замокъ былъ ци-
шаделью, каждой учаспокъ земли — цар-
швомъ и каждой владѣлецъ — шираномъ;

(*) Въ одѣ своей: *Onde fresche e chiare etc.*

но Пелларка не принадлежалъ къ своему зѣку: скромная его пущынька (шакъ онъ самъ ее называетъ) находилась на скапѣ пригорка, на коемъ спюяла деревня; теперь не оспалось ни малѣйшихъ слѣдовъ его лица.

Мы обошли развалины замка, до котораго я съ великимъ трудомъ могъ добрасться: и разсмотривая сіи зубчатыя стѣны, покрытыя нынѣ плющемъ, сіи подземныя пещеры, коихъ входъ заросъ шернами, сіи башни, съ высоты коихъ Епископъ — владѣлецъ поспѣвался надъ *красотами* долины и надъ рабствомъ своихъ вассаловъ, — я переносился мыслями въ шѣ вѣки варварства, копорымъ сумазброднѣйшіе или злонамѣреннѣйшіе люди приписываютъ нынѣ похвалы.

Дабы отвлечь меня отъ сихъ поспыдныхъ воспоминаній, Адрианъ привелъ меня на площадку башни, откуда я увидѣлъ пространныя окрестности, коимъ синѣющіеся подъ небосклономъ холмы служили какъ бы рамами. Я могъ сосчитать спюяція въ поляхъ житницы, могъ оплечать деревни по разнообразнымъ ихъ кровлямъ, по высокимъ шпикамъ ихъ колоколенъ; двѣ опдаленныя

башни дворца Папскаго, опколѣ Іоаннь ХХІІ бросаль громовыя буллы въ *остроконечныя* *клубуки Францискановѣ* и низвергаль проклятія на враговъ *треблаженнаго* видѣнія. Я опяшь увидѣль сію гору Ванпу (Ventoux), копорая для взоровъ опдѣляется опъ свода небеснаго только браздами снѣга, ее покрывающими; и пошихоньку говориль съ Делилемъ: я вижу передъ собою *прелестнѣйшю долину* *изо всѣхъ тѣхъ*, которыя *озаряются свѣтиломъ міра*.

Мы возвращались въ деревню. Проходятъ позади скалы испочника, я оспановилса въ удивленіи, увидя женщину, сидящую на камнѣ; она опиралась головою на обѣ руки, въ шакомъ положеніи, копорое показывало въ ней задумчивую гореспь. Адріанъ подбѣжалъ къ ней и поцѣловаль ей руку: я подошелъ шакже и хопѣль извинишья въ шомъ, чшо нарушилъ ея уединеніе. „Эпошь молодой“ „человѣкъ сказаль мнѣ обѣ васъ, опвѣчала“ „она: ваша вспрѣча не можепь бышь мнѣ“ „непріятна.“ Еще не знавши, кшо сія женщина, я былъ уже пронупь томнымъ звукомъ ея голоса и пріятностію всей ея наружности, копорую опшѣняла задумчивость.

Терпы лица ея, поперявши свѣжестъ первой молодости, получали новую приманчивость опъ чувствва горести, которое по видимому было причиною, что они увяли; можно было замѣнить, что огонь глазъ ея поухъ опъ слезъ и что глубокая печаль сдѣлаась какъ бы пищею ея жизни. Я не пишу эпизодъ къ роману, поному и увольню себя опъ пересказыванія разговора, доведшаго насъ до шой повѣсти, которую здѣсь увидящъ. Многимъ она покажется слишкомъ *романтескою*; какъ бы по ни было, по я смѣло увѣряю въ ея справедливости.

Вопъ собесѣданныя слова Гжи Дю*** (она мнѣ позволила говорить о ней только подъ именемъ Гжи де Ваньеръ).

„Въ 16 лѣтъ я вышла за-мужъ за одного Генерала, котораго братъ былъ женатъ на старшей сестрѣ моей. Цѣлой годъ провели мы въ сладостяхъ нѣжнѣйшаго союза и дружбы, удаясь въ прелестную деревеньку на берегахъ Роны. Сестра моя, за нѣсколько дней до отъѣзда нашихъ мужей въ Египетъ, куда они оправились съ арміею Бонапарте, родила слѣпаго сына. Я также

была беременна въ это время. Сердце и воображеніе мое были поражены въ печеніи нѣсколькихъ мѣсяцевъ печальнымъ видомъ, находившимся у меня передъ глазами, и горестію сеспры моей; я родила дочь, равномерно лишенную зрѣнія. Сколько попеченій, слезъ и сокрушенія сіи бѣдныя дѣши сподили мащерямъ своимъ! Любовь наша къ нимъ возрастала по мѣрѣ собственныя нашихъ печалей, и чѣмъ болѣе мы ужасались жребія, копорый ожидалъ ихъ въ будущемъ, тѣмъ болѣе чувствовали необходимость, сдѣлать младенчество ихъ счастливымъ.

Природа, лишивъ зрѣнія, одарила ихъ рѣдкою красою; и—что еще болѣе нужно было къ ихъ благополучію—казалось, она разлила въ обоихъ одну жизнь. Въ колыбели, у груди мащерей своихъ, Юлій и Амелія были неразлучны: одинакое воспитаніе, просвѣтивъ ихъ разумъ, какъ будто бы слило ихъ существованіе въ одно. Сначала мы измѣряли, я и сеспра моя, несчастіе дѣшей нашихъ по собственнымъ нашимъ чувствамъ, по собственнымъ нашимъ понятіямъ; но скоро мы увѣрились, что мы прешерпывали за нихъ горести, копорыхъ они не могли чув-

спивоватъ, сожалѣніе, котораго они не могли знать. Наконецъ, когда мы убѣдились, что они наслаждаются всѣмъ блаженствомъ ихъ состоянія, тогда наша прозорливая нежность возложила на насъ долгъ, не представляя ихъ уму такихъ понятій и картинъ, которыя могли бы родить въ нихъ сожалѣніе о томъ, чего они лишены.

„Чувство любви, соединившее ихъ отъ колыбели, сдѣлалось спраснію въ юныя ихъ лѣта. Я говорю сіе слово *страсть* за недоспашкомъ другаго, способнаго выразить чувствованіе, въ которомъ всѣ склонности человѣческаго сердца совокупляются въ одну. Сей сладостный союзъ не имѣлъ ничего себѣ подобнаго: Юлій и Амелія любили, чтобы существовать, такъ какъ мы любимъ воздухъ, коимъ дышемъ, или источникъ, который находимъ среди пустыни.

„Несчастіе равномерно обѣихъ насъ пресѣдовало: сеспра моя лишилась своего супруга, падшаго подъ спѣнами города Сен-Жанъ-д'Акръ, а мой мужъ прожилъ только нѣсколько мѣсяцевъ по возвращеніи во Францію. Не стану вамъ говорить о нашихъ горестяхъ; хотя оныя были весьма жестоки,

но мы перенесли ихъ, зная, сколько жизни наша необходима для нашихъ дѣшей.

„Юлій и Амелія достигли до того возраста, въ копоромъ уже можно было думать объ исполненіи единственней необходимости ихъ сердець и нашего послѣдняго желанія. Дочери моей совершилось 16 лѣтъ, Юлію было около 17; и мы назначили уже время ихъ брака.

„По случаю, одинъ славной врачъ приѣхалъ въ замокъ, въ копоромъ мы жили. Онъ осмопрѣлъ глаза молодыхъ нашихъ слѣпцовъ и увѣрилъ насъ, что слѣпоша ихъ происходишь отъ бѣльма и что имъ можно возвратишь зрѣніе. Чрезвычайная радость, произведенная въ насъ сею вѣстію, не пронула нѣхъ, кои были ея предметомъ: въ перемѣнѣ, копорую хотѣли произвеспи надъ ними, видѣли они только новый способъ любви другъ друга; и не воображая ничего внѣ чувствованія, наполнявшаго сердца ихъ, новое плѣсное чувство казалось имъ единствененно средствомъ къ развлеченности, о копорой и самую мысль они отвергали.

„Спихотворцы, говорилъ Юлій улыбаясь, „согласились изображать Любовь слѣпою; При-

„рода оправдала на насъ сію прелестную выдумку: для чего же намъ опіказываться опъ ея благодаренія?—Я не хочу видѣть Юлія, говорила Амелія: я хочу любить его.“

„До сихъ поръ мы спарались молчашъ объ удовольствіяхъ и выгодахъ, копорыя доставляешъ намъ зрѣніе, думая, что дѣши наши никогда не будушъ имъ наслаждашъся. Надежда, намъ польспившая, заспавила насъ шеперь говоримъ въ пользу сего чувспва. Мы пышались сообщимъ имъ поняшіе о красопахъ Природы, чшобы возбудишъ въ нихъ желаніе разпоргнушъ шу пелену, копорая скривала онья опъ нашихъ слѣпцовъ; но они по прежнему полагаги чувспвованія души ихъ на мѣсто образа. „Амелія прелестнѣе ддя, говорилъ Юлій; я не хочу ихъ сравнивашъ.—Вы мнѣ сказали, продолжала Амелія, что солнце имѣешъ болѣе блеску, нежели Юлій: шакъ я не желаю видѣть солнца; боюсь, чшобъ я не спала его ненавидѣшъ.“

„Слезы наши подѣиспововали надъ еердцемъ сихъ милыхъ дѣшей болѣе, нежели наши разсужденія надъ ихъ разумомъ; мысль, чшо сдѣлаюшъ насъ счаспливѣе, побудила

ихъ къ тому пожертвованію, котораго мы требовали опть ихъ нѣжності.

„Они вмѣстѣ выдержали операцію. Въ минуту, когда снята была перевязка, сестра моя бросилась въ объятія своего сына. „Мапушка, вскричалъ онъ, обнимая ее съ „воспоргомъ: я васъ вижу! . . — А меня? ска- „зала Амелія съ тяжелымъ вздохомъ: я здѣсь, „Юлій! узнаешь ли ты меня?“ Онъ прижалъ ее къ своему сердцу: но она поняла уже, что первый его взоръ былъ не къ ней обращенъ.

„Мгновеніе, въ которое перевязка спала съ глазъ моей дочери, открыло передо мною пучину горести, въ коей жизнь моя должна исчезнуть. Слабый лучъ свѣта показался и умеръ во взорѣ, обращенномъ на ея любезнаго: ей одной суждено было не выходить изъ той глубокой ночи, которой ужасъ она уже начинала чувствовать.

„Юлій ничего не упускалъ, чтобъ ее утѣшить. „Я должна бы счастлива быть твоимъ счастьемъ, говорила она ему со слезами: но у меня нѣтъ къ тому силы. Жизнь „моя была вся въ нашей любви, и сія любовь основывалась на общемъ нашемъ не-

„знаніи другихъ благъ. Ты увидишь шакіе
 „предметы, копорые мнѣ неизвѣсны, ты
 „получишь новыя понятія: мы не будемъ
 „больше понимаешь другъ друга. Я хочу у-
 „мереть, милой другъ! хочу умереть пре-
 „жде, нежели начну бояться, что ты уже
 „меня не любишь. — Пусть лучше я умру,
 „отвѣчалъ Юлій, прежде нежели сія боязнь
 „поселилась въ душѣ швоей! Свѣшь днев-
 „ной, копорой я вижу, дѣлаешь тебя ми-
 „лѣ моему сердцу, показывая тебя пре-
 „красною глазамъ моимъ: блаженство ви-
 „дѣшь тебя, составляешь для меня новую
 „необходимость тебя любить. Нѣшь, моя
 „Амелія! мы никогда другъ съ другомъ не
 „разлучимся: я буду швоимъ пупеводителемъ,
 „швоею опорой. . . . — Порядокъ Естества
 „для нихъ перемѣнился, прервала она; для
 „меня въ цѣломъ мірѣ находишься одинъ поль-
 „ко мужчина, а ты имѣешь глаза для всѣхъ
 „женщинъ!“ Съ сихъ поръ ревнивость вкра-
 лась въ ея сердце и нашла себѣ шамъ, во
 мракѣ и безмолвіи, непроницаемое убѣжище,
 откуда никакое другое чувствованіе не мо-
 гло ее изгнать. Тщешно Юлій старался
 скрывать ошъ Амеліи живыя впечатлѣнія,

получаемыя имъ посредствомъ свѣта, для котораго онъ какъ бы вновь родился; щепетно удерживался при ней опть воспорговъ, копорыя въ душѣ его возбуждало зрѣлице Природы. Амелія разпрашивала его, подь предлогомъ, что хочешь опть него научиться, и каждой разъ заключала разговоръ симъ мрачнымъ размышленіемъ: „мы уже не въ одномъ мѣрѣ обитаемъ.“

„Если когда нибудь, продолжала Г-жа де-Ваньеръ, — я могу преодолѣть горесть мою до той степени, чтобы собрать все мои воспоминаія и написать о нихъ повѣсть, не смывъ ее моими слезами; то можешь бышь, я опкрою въ семь сочиненіи нѣкопорыя тайны сердца человѣческаго, укрывшіяся опть наблюденій опытнѣйшихъ нравоиспытателей. Но какъ могу я, спустя чешыре года, разпространяться о подробностяхъ ужаснаго происшествія, о которомъ мнѣ оспаешся вамъ разказаць?

„Неизмѣнная любовь Юлія и наши увѣщанія, не могли убѣдишь дочь мою къ согласію на бракъ, копорой не могъ уже соединить вмѣстѣ ихъ судьбу; но мы со временемъ надѣялись побѣдишь сіе сопротивленіе.

На сей конецъ мы приѣхали провесити лѣпнее время въ Воклюзъ, къ дядѣ моего мужа; любезная Философія сего спарика доставляла ему великую власпъ надъ умомъ Амеліи.

„Когда онъ въ первой разъ повель насъ къ источнику, то Юлій не могъ удержашъ воспорговъ удивленія, копорое имъ овладѣло; нѣсколько времени находился онъ какъ бы въ забвеніи, и вышелъ изъ онаго шолько погда, какъ услышалъ нашъ крикъ: дочь моя, копорую онъ вель за руку, упала безъ чувствъ. Ее перенесли въ пещеру, гдѣ она скоро пришла въ себя. „Юлій, сказала она, „сжимая ему руку: шакъ есть и кромѣ меля шакія вещи, копорыя шебѣ нравяшся? . . “ Смершельный ударъ былъ нанесенъ; чрезъ мѣсяць Амелія уже не спрадала: она спала въ могилѣ “

Г-жа де-Ваньеръ не могла продолжашъ; рыданія перервали ея голось. Я подаль ей руку, чшобъ опвесити ее къ дядѣ; и уже оцъ Адриана узналъ я конецъ сего плачевнаго происшествія.

Бѣдной Юлій не могъ пережити Амеліи. Три мѣсяца сряду, онъ ходилъ каждое уш-

ро въ пещеру и проводилъ шамъ по нѣ-
скольку часовъ. Въ одинъ день онъ не воз-
вращался: думаяшъ, что онъ нашель смерть
въ помъ самомъ испочникѣ, котораго видѣ
причинилъ ему роковое испупленіе.

Орестъ Соловъ.

Б) СТИХОТВОРЕНІЯ.

О М Е Р Ъ.

Хвала громовержцу Зевесу!

Владыка небесъ и земли,

Онъ мощною дланію водишь

Сонмы міровъ.

Какъ звѣзды въ сіяніи солнца

Попухнушь съ денницей злапой;

Такъ въ славъ исчезнешь Зевеса

Слава боговъ.

Онъ въ горнемъ надзвѣздномъ Олимпѣ

Незыблемый пронъ свой воздвигъ:

Тамъ вѣчно не дремлетъ Зевесовъ

Мощный орель.

Опшуда онъ бросилъ во гнѣвѣ

На буйныхъ Типановъ свой громъ;

Опшуда слѣшаетъ на землю

Зевесовъ посоль.

Не смѣешь на крыліяхъ мощныхъ

Подняться къ Олимпу Сапурнь:

Безсмертный Зевесъ не спрашится

Жадной косы.

Хвала пѣспопѣвцу-Омеру!

Предъ нимъ, какъ предъ Зевсомъ, Сапурнь,

Недвижимъ, свернувъ свои крылья,

Спаль на косѣ.

Нѣпъ гордыхъ, свободныхъ Ахеянь!

Ужь варвары тяжкую цѣпъ

По ихъ пропянули могиламъ:

Греки—рабы!

Но слава все Грецію любипъ:

Она не слепипъ съ сихъ могиль;

Она не покинепъ ихъ вѣчно —

Вѣчень Омеръ!

Наставникъ Царей и народовъ;

Онъ въ пѣсняхъ всѣхъ выше пѣвцовъ;

Какъ Зевсомъ взнесенъ надъ землею

Свѣшлый Олимпъ.

Д Р У Ж Е С Т В О .

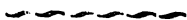
Идиллія Біона.

Блажень, спокрапъ блажень, кому дано Судьбою
Цвѣтами дружества пущь жизни успилапъ!
Блажень Тезей-герой; онъ вѣрность къ Пириѳею
Умѣль средь ужасовъ, въ Тенарѣ, сохраняпъ.
Во Скиѳи Орестъ, отважноспью примѣрный,
Мученья, саму смерпъ съ Пиладомъ презираль.
Блажень Ахилль, блажень сей другъ нелицемѣр-
ный!
Онъ за Папрокла мспя, вѣкъ славный окончалъ.

М. Яковлевъ.

Прим. Біонъ родился въ Смирнѣ. Поэтъ сей, преслѣдуемый
зависпью, былъ отправленъ .

З А Б Л У Ж Д Е Н І Е.

Завѣса наконецъ съ очей моихъ упала,
И я коварную Дориду разгадалъ!
Ахъ! еслибъ прежде я измѣнницу узналъ,
Тогда бы менѣ душа моя спрадала,
Тогдабъ я слезъ непроливалъ!
Но могъ ли я имѣшь сомнѣнье!
Ея плѣнительный и непорочный видъ,
Спыдливости съ любовію боренье,
И взгляды нѣжные, и жаръ ея ланишь,
И спраспный поцѣлуй, и персей препешанье,
И пламень молодой крови,
И робкое въ часы опрадь признанье,
Все, все казалось въ ней свидѣльствомъ любви
И нѣжной спраспи пылкимъ чувствомъ!
Но было все коварствъ плодомъ
И записныхъ Геперь искусствомъ,
Корыспи низкія шрудомъ!
А я, безумецъ, въ ослѣпленьи,
Дориду хитрую въ душѣ богошвориль,
И спраспи пламенной въ опрадномъ упоеньи,
Боговъ лишь равными себѣ въ блаженствѣ
мнилъ! . . .

К. Рылѣевъ.

Р О М А Н С Ъ.

(Las! plus de jour, plus de nuit sans souffrance.)

Увы! и день и ночь веду я въ огорченьи!
Пустыней для меня содѣлался весь свѣтъ;
Я потеряла все со мной однѣ мученья
Я потеряла все — со мною друга нѣтъ!

*

Весна не веселишь и роща не плѣняешь,
Увяль зеленый лугъ, поблекъ и розы цвѣтъ;
Тоска снѣдаетъ грудь и слезы испоргаетъ;
Я потеряла все — со мною друга нѣтъ!

*

Но скоро, скоро я паду опъ огорченья
Несчастливыя сердца! свершите мой завѣтъ,
Свершите вы его, хопя изъ сожалѣнья:
Я потеряла все — со мною друга нѣтъ!

*

Прошу васъ надъ моей могилою просною
Какъ скоро вѣчной сонъ глаза мои сомкнешъ,
Несчастную почшишь надгробною шакою:
„За чѣмъ ей было жить, когда съ ней друга
нѣтъ!“

П. Ракитинъ.

СПУТНИКИ УЛЛИСОВЫ,
Сказка.

Друзья! скажите, что за чудо:

Когда ввадимся мы въ какой нибудь порокъ,
То сколько ни шверди намъ мудрось: *это*
худо! —

Мы ни во что вмѣнимъ ея урокъ?

И въ самой древности тому примѣры были,
Тогда, какъ мудрецы по всѣмъ спранамъ бро-
дили,

Бросая въ глупости людскія шучи спрѣль—
Спрѣль краснорѣчія; ихъ слушали, хвалили,
А лучшимъ спашь никто какъ будшо не хо-
пѣль!

Намъ правду говоряшь: привычка — шажь При-
рода;

И эшо подшвердилъ въ стихахъ Гомеръ слѣ-
пецъ,

Героевъ, бивъ, боговъ пѣвецъ

И слава своего народа.

А я, въ просныхъ словахъ, природнымъ язы-
комъ,

Не смѣя въ высопу пускашьяся,
 Хочу, любезные, лишь полько попышашьяся
 Вамъ въ сказкѣ разсказапъ о помъ.

По разореньи Трои
 Пустились по домамъ всѣ Гречески Герои,
 Кто Царствомъ править, кто сохой:
 Тогда былъ вѣкъ такой,
 Что воинъ за соху приняшьяся не гнушался,
 И съ поля рашнаго лишь приходилъ домой,
 То съ плугомъ, съ заспупомъ на ниву возвра-
 щался.
 Съ дружиною Улиссъ въ Ишаку поспѣшалъ;
 Но на Олимпѣ судъ верховной,
 Не знаю, за какой просшупокъ уголовной,
 Царю Ишакскому бытъ дома запрещалъ.
 Онъ долго по морямъ изъ края въ край блу-
 ждалъ,
 Пока богамъ угодно было,
 Чшобъ на десятой годъ
 Улиссовъ флосъ
 Волнами къ оспрову прибило.
 Цирцея, хипрая колдунья шамъ жила,
 Которая всѣхъ вѣдъмь искусствомъ превзошла.
 Царя со свишою колдунья привѣшила,
 Какъ добрая, на хлѣбъ и соль ихъ пригласила
 И зелена вина по чарѣ поднесла;
 Ксрочео вьяна незнаемъхъ ваясла.

Всякъ пиль и выхвалялъ,
 И не одинъ себѣ всѣ губки облизаль.
 Чпожь вышло изъ шого? . . . Лишь полько про-
 презвились,

Увидѣли, чпо всѣ въ звѣрей оборотились:

Храбрець когниспымъ Львомъ,

Невѣжа сдѣлался Осломъ,

Изъ гордеца спалъ Конь слѣсивой, рья-
 ной;

Пустился землю рышь слѣпымъ Крошомъ му-
 дрець,

Коварною Лисой вилялъ придворной льстець,

Вершлявой щеголекъ наряженъ Обезьяной;

Медвѣдемъ шумяедець спалъ,

И лежа на боку, все лану лишь сосаль;

Судья, чпо въ жизнь свою кривымъ законовъ
 полкомъ

Съ просителей по шкуркѣ дралъ,

Явился кровожаднымъ Волкомъ;

Сынъ Эскулапиевъ Гіеной изъ врачей,

И Крысой царской казначей;

Скупые богачи Свиньями;

Благочеспивый жрець прожорливымъ Кошомъ

И въ мышей, просиясь съ молишвой и по-
 спомъ ;

А шѣ, кошорые не ладили съ женами,

Преобрашясь въ Быковъ, пугали всѣхъ рогами;

Решивы плясуны запытали Козлами;

И словомъ, кшо къ чему въ свой вѣкъ наклонень
быль,

Такогожь звѣря видъ и свойство получилъ.

Одинъ Улиссъ не пиль:

Не промахъ этошь Царь, въ обманъ не опда-
вался;

Собою молодець: поспупкой и спанкомъ,

Дородспивомъ, рѣчью и лицомъ,

Онъ шакъ Цирцеѣ показался,

Чшо чупь-было сама

Колдунья не сошла съ ума.

А если женщина въ кого нибудь влюбилась,
То-почишай, равно — какъ бы ума лишилась.

Лишь искорка любви

Къ Цирцеѣ въ грудь успѣла заронисься,
Какъ пламя разлилось по всей ея крови....

Волшебница идетъ къ Улиссу изъяснишься

И говоришь ему : „Не пы спгаль плѣнникъ
мой,

Я плѣнница швоя!—бери мое имѣнье,

Безспорно управляй и мной и сей спраной;

Я вводной листъ шебѣ вручаю на владѣнье.“—

При сихъ словахъ она Улисса обняла

И сладкой поцѣлуй въ залогъ любви дала.

Такой превращенши Улиссъ сперва дивился;

Но вдругъ опомнившись, шопчась за умъ хва-
тился

И даль шакой отвѣпъ:

„Какая польза мнѣ въ любви швоей, мой свѣпъ,

Коль вижу сплунниковъ моихъ порабощенныхъ,
Въ уродливыхъ скоповъ тобою превращенныхъ?

Они со мною на войнахъ

Труды, опасности и раны раздѣляли,

И грудь булатную въ бояхъ

За своего Царя безстрашно выставляли.

Когда любовь свою мнѣ хочешь доказатьъ,

То поспѣши имъ всѣмъ природной видъ оп-
дать.“

— Охотно! я на по съ обѣими руками!

Да ты спрости у нихъ: хопяшь ли Греки сами

Приняшь свой прежній видъ? —

Колдунья хипрая Улиссу говоритъ.

Улиссъ ко спаду ихъ бѣжитъ,

„Ну, радуйшесь, друзья! кричишь:

Не будете бродить на чепверенькахъ болѣ:

Дать прежній образъ вамъ шеперь въ моей ужъ
волѣ:

Однакожь вы сперва должны мнѣ опвѣчать,

Хопишель сдѣлаться людьми опяшь?“ —

Въ минушу всякъ изъ нихъ даръ слова полу
чаешъ;

Всталь Левъ, взревѣль и такъ Улиссу опвѣ-
чаешъ:

„Чтобъ согласился я приняшь

Людскую образину жалку!

На ломкой, хилой мечъ, иль на проспую палку

И когти оспрые и зубы промѣняшь!

Я Царь, и спаль тебѣ, Улиссъ, по сану бра-
шомъ:

Такъ захочу ли я въ Ишакъ быть солдатомъ?

Другихъ обманывашь спупай,

А вздорами ты мнѣ впередь не докучай.“ —

Медвѣдю проповѣдь чинашь Улиссъ пустился:

„Смотри, любезной другъ! въ кого ты превра-
тился?

Мохнашъ и неуклюжь, съ предлиннымъ рыломъ
спаль;—

А прежде, помнишь ли, ты всѣхъ собой прель-
щаль.“—

— Ну, чпожь? я спаль мохнашъ: пѣмъ для
меня не хуже:

Зимой, въ снѣгахъ и спужѣ,

Какъ въ банѣ буду я шеснь мѣсяцевъ лежать!

Да и къ чему тебѣ мой видъ пересужашь?

Ты думаешь, чпо ты проворнѣй и храбрѣе?

Отвѣдай-ка, дружокъ, моихъ медвѣжьихъ силъ!

Не нравлюсь я тебѣ?.. Такъ прочь иди скорѣе

Покамѣспъ лапой я тебя не придавилъ.“—

Пошелъ Улиссъ; онъ Волка подзываетъ

И шакъ его увѣщеваетъ:

„Не стыдно ли тебѣ на спадо нападать?

Не стыдноль милую паспушку обижашь?

Послушай, какъ бѣдняжка плачешь,

Чпо опъ тебя нигдѣ своихъ овецъ не спрячешь!

Ты, помнишя, хопъ ихъ спригаль,

Однакожь никогда съ нихъ кожи не сдираль.

Я почишаль тебя за умнаго дѣшину,

Послушайся: покни свирѣпую личину;

Веди опяпъ свой вѣкъ,
Какъ доброй человѣкъ!“

— Да многоль добрыхъ-то? бирюкъ Улиссу воешь:
Не каждой ли изъ васъ другому яму роешь?

Я знаю по себѣ: я прежде кожи драль,
И по же дѣлаю, когда я Волкомъ спалъ.
Но пы-то самъ каковъ? — вы всѣ Овецъ ѣдите,
А Волка поспникомъ заспавишь бышь хопише!
Повѣрь, что еслибъ я видъ прежній получилъ,
То кожи и тогда не меньше бы лупилъ.
И вы, которые перзаете другъ друга,
По злобѣ, жадности, иль просто опъ досуга,
Не пѣлижь Волки вы, все скопище людей?...
Поди, я не хочу на двухъ ногахъ пскапаться;
Бывъ Волкомъ по душѣ, такимъ хочу оспаться

И бѣгашъ полной чепзерней.“ —

Осель мычалъ: оспавъ меня ходишь по волѣ!
Я радъ пеперешней моей Ослиной долѣ;
И прежде я всегда межъ вами слылъ Осломъ,
Я пакъ и оспаюсь.—И я радъ бышь Кропомъ!
Пицалъ слѣпой мудрець: когда подумашъ здра-
во,

Людская Логика не лучше нашей, право!—

А Свины хрюкали: мы по же не хопимъ

Съ любезнымъ логовомъ своимъ

Ни для чего распашьяся;

А лучше самъ

Ты въ лужу къ намъ

Спунай валяшьяся!“ —

Ипакской Царь

Ходиль ко всѣмъ звѣрямъ; но никакая шварь
Его и слушать не хотѣла:
Привычка всѣхъ ихъ одолѣла.

„Не спанемъ, онъ сказалъ: съ глупцами пра-
тишь словъ
Дубиной погоняй ословъ!“ —

Орестъ Соловб.

О Т ВѢ Т Ъ

*Пріятелю, увѣрявшему меня, что онъ слышалъ
женщину, которая говорила не имѣвъ языка.*

Что можеть женщина безъ языка болпашь,
Я вѣрю:
Но чпобъ, имѣвъ языкъ, могла она молчашь,
Не вѣрю.

Я

Э П И Г Р А М М Ы .

1.

Что пакъ пы похудѣль?

Конечно много дѣль!

— „Охъ! нѣшь, шесць мѣсяцовъ пишу, попѣю:

Экспромпта кончить неумѣю.“ —

2.

Дворянка Крезова проживъ уже полъ-вѣка,
Вдругъ замужъ вздумала: и за кого?

Спрашнѣй всего,

За челоуѣка!

И. С.

II. Н Р А В Ы.

Провинціалъ въ Петербургѣ.

Первый выѣздъ. Магазины.

Пріѣхавъ съ женою въ Петербургъ, котораго ни я, ни она родясь еще не видали, захошѣлось намъ побывать въ немъ *ездѣ* и посмопрѣшь *на все*. Въ слѣдствіе сего намѣренія, на другой же день нашего пріѣзда, предположили мы начать осмопрѣ свой съ храма Казанской Богомашери: „въ кошоромъ-де кспаши, примолвила жена моя, и ошслужимъ, по долгу добрыхъ Христіанъ, благодаршвенный молебень за благополучное совершеніе нашего пуши; а ошшуда, душенька, заѣдемъ въ магазинъ мадамъ А....“—На первое предложеніе, какъ на богоугодное, я согласился съ удовольствіемъ; но при вшоромъ, признаюсь чисшосер-

дечно, ошь спраху я невольню запрепеталь, лобь мой покрылся морщинами и брови нахмурились. . . . Жена моя, хошя и нечипывала Лафашера, но въ чешыре года замужеспива шакъ успѣла всмопрѣшься во всѣ черпы лица моего; чпо по малѣйшему движенію умѣеть узнавать сокровеннѣйшія мысли мои. Примѣпивъ, вѣрояшно, чпо я гошовлюсь прошиворѣчить ей, она подскочила ко мнѣ, и шакъ нѣжно, шакъ сладко поцѣловала, чпо всѣ мои морщины, подобно пучамъ ошь дуновенія вѣпра, исчезли и я приказаль Трифону (копорый, если не хва-спасеть, знаетъ Пешербургъ и вдоль и поперегъ) надѣшь свою ливрею и съ запяпокъ указывать кучеру дорогу.

Едва проѣхали мы нѣскольго сажень по Невскому проспекту, какъ жена моя вскричала: *Ахъ! другъ мой! посмотри какая безподобная шляпка! заѣдиль пожалуйста.*— „Чпо ты! въ умѣ ли? развѣ позабыла, чпо мы не ошеслужили еще молебна!“ Другъ мой! ангель! ушѣшь же меня. Ну, самъ посмотри, чпо за шляпка на миѣ! какъ я буду сшоляшь въ Казанской! я сгорю со стыда! Она проговорила эшо съ шакимъ жаромъ и

шакъ громко, что и проѣзжающіе и проходящіе оглянулись на насъ. Боясь, дабы жена моя не заговорила *еще громче*, я поскорѣй приказалъ поворотишь сани и привезъ ее въ магазинъ.

„Что вамъ угодно?“ спросила насъ Французенка, не приподнявшись даже со стула своего. *Она вѣрно встрѣтила насъ по платью.*

— Вотъ эту шляпку, сказалъ я, указывая на ту, копорая соблазнила жену мою.

„Подай!“ сказала Французенка одной изъ сидѣвшихъ за рукодѣльемъ *дѣвицъ*.

Шляпокъ было множесство, и одна другой лучше! Пренняя не обращала уже на себя вниманія. Ее поставили на свое мѣсто — и начался переборъ, копорый продолжался около часа. Сама мадамъ подошла на помощь—и, наконецъ, шляпка выбрана. Только я приготовился опщипать 120 руб., какъ былъ оспановленъ сими словами:

„Поспой, другъ мой! я еще хочу взять *эпошъ эшарпъ*.“

— Не угодно ли, сударыня, спросила мадамъ съ чрезвычайною вѣжливостію, взять еще чего нибудь? у меня шеперь очень мно-

го новостей изъ Парижа. — „Изъ Парижа! ахъ, покажите пожалуйста!“ И услужливая торговка начала выдвигать ящики и оппирать шкафы. Не болѣе какъ въ двѣ минушы столы были завалены: матеріи разныхъ сортовъ, плашки, платочки, блонды, кружева лежали въ самомъ соблазнительномъ безпорядкѣ!

Между тѣмъ какъ на лицѣ жены моей, у которой, какъ говорится — *разбѣжались глаза*, было написано удовольствіе и радость, сердце мое билось такъ сильно такъ сильно какъ спѣнныя часы! — Мнѣ весьма было досадно и на жену мою и на модную торговку. Я предчувствовалъ, что опъ прихошей первой и опъ услужливости другой бумажникъ мой можетъ испощиться. Разсудокъ безпрестанно твердилъ мнѣ: пора для собственнаго благополучія сдѣлать формальную репиранду; но природная моя застѣнчивость и боязнь, услышать опъ вѣжливой и услужливой мадамъ А. . . . какое нибудь непріятное привѣщствіе, не позволили мнѣ воспользоваться добрымъ совѣтомъ его. Я безмолвствовалъ, торговка безъ умолку лепешала,

дѣвушки, какъ угорѣлыя, бѣгали по магазину съ модною дрянью, а жена моя съ жадностію пересмапривала все. Наконецъ, выбравъ себѣ матеріи и на капотъ и на плашья—съ длинными и коропкими рукавами; два эшарпа, изъ коихъ одинъ *три - три*, блондъ и нѣсколько плапочковъ, жена моя попросила все уложивъ въ кордонъ. Я заплапиль пять сотъ семдесять пять рублей—и мы опправились далѣе. Мадамъ А. проводила насъ до самыхъ дверей, опворила ихъ, и наговорила сполько вѣжливостей, что самымъ мелкимъ письмомъ не упишишь и половины изъ оныхъ на цѣломъ листѣ. *Она вѣрно проводила насъ по покупкѣ.*

Только спустились мы съ Полицейскаго моспа, какъ взглянувъ на лѣво, жена моя опять вскричала: „ахъ, другъ мой! что мы сдѣлали? . . . Стой Федотъ!“ — Кучеръ опшановился . . . Я перепугался и подумаль, не позабыла ли она чего въ магазинѣ, или не опсавиль ли я въ немъ бумажника своего, въ кошоромъ было еще чепыресша двадцать пять рублей, кромѣ ппятнадцати рублей, особенно опложенныхъ для молебна; — я осмопрѣлся и удосповѣрился, что

последней бѣды еще неслучилось. „Чтожь сдѣлали мы и куда ты ведешь меня?“ спросилъ я у жены, копорая, взявъ меня за руку, почти пауцила на лѣстницу.—

— *Ужасную глупость!* оивѣчала она. „Какую же?“

— Ту, что купили шляпку не въ эпомъ магазинѣ. Я видѣла въ окошко одну такую, какой родясь еще не видывала.—

„Сумасшедшая!“ вскричалъ я; — но двери были уже опперпы, и мы вошли. Жена моя и здѣсь принялась пересмапривашь и перебирашь модныя вещи, *только то привезенныя изъ Парижа.* Мадамъ Б. . . . служивала еще ловче, нежели мадамъ А. . . . и особенно умѣла прельспить одною шляпкою и модными часами съ золошою цѣпочкою. Я было рѣшилсѣ вооружиться всѣмъ моимъ хладнокровіемъ, не слушашь ни какихъ прозьбъ и убѣжденій, и пѣмъ сохранишь бумажникъ свой опъ конечнаго раззоренія; почему принявъ рѣшипельный видъ, сказалъ пвердымъ голосомъ: „Теперь у меня нѣшъ денегъ. Заѣдимъ *завтра!*“ Но жена моя пакъ нѣжно взглянула на меня, какъ еще ни разу не взглядывала—даже и въ самыя

день свадьбы нашей. Я распаялъ . . . и спросилъ: „Что стоюшь часы сіи и шляпка?“

— *Ровно пять сошь рублей.*—

„Не дорого ли?“

— *Помилуйте; мы лишняго никогда не просимъ: это весь городъ знаетъ! мы никого не грабили.*

При сихъ словахъ мадамъ сдѣлала такой суровой видъ, какъ будто бы я обидѣлъ ее ужаснѣйшимъ образомъ. Что дѣлать? пошѣшу жену и удовлетворю мадамъ, подумалъ я—и, вынувъ бумажникъ, отдалъ послѣдніе изъ онаго чепыреса сорокъ рублей, включая въ то число и пятнадцать, взятыхъ на молебень. Попомъ вынулъ я и кошелекъ, въ кошоромъ какъ будто нарочно было золота и серебра ровно на шестьдесятъ рублей. Расплавившись такимъ образомъ и просясь съ удовлетворенною Француженкою, сѣли мы въ сани.

„Куда же мы теперь поѣдимъ?“ спросилъ я у жены.

— Какъ? куда, другъ мой! а къ Казанской . . . ты развѣ позабылъ.—

„Да за чѣмъ? Вѣдь мы хопѣли молебень отслужить, а у меня, по милости пвоей,

не оспалось теперь ни копейки! Что дѣлать? поворачивай Федотъ! поѣдимъ домой.“

Такимъ образомъ возвратились мы къ себѣ въ домъ, не только не опслуживъ молебна, но даже не видѣвъ Казанскаго Собора. Теперь я, вошь уже прои супокъ безвыходно сижу дома. Боюсь выдти. Что мнѣ дѣлать, самъ не знаю! . . . *Первый выѣздъ* спойлъ мнѣ тысячи семидесяти пяти рублей. Что если и *второй*, и *третій* сполько же budouтъ спойтъ! — Ъхать вмѣстѣ съ женою—бѣда! одну ее оппустишь—и того опаснѣе! Самъ выѣхать—боюсь; ибо, судя по неопшупнымъ прозьбамъ жены, что бы опять ѣхать *въ Казанской Соборъ*, я подозрѣваю, что она снова умышляеть навѣспить или мадамъ А... или мадамъ Б... или незнакомую еще мадамъ В....., копорую особенно рекомендовала женѣ моеѣ двоюродная сеприца.

К. Р — въ.

Ш. К Р И Т И К А.

П И С Ь М О

къ Г. Марлинскому.

Сосѣдъ мой, житель Васильевскаго Острова, письмомъ своимъ къ вамъ, возбудилъ во мнѣ сильное желаніе посмотришь его шкафъ съ Липпературными уродцами. Я пришелъ къ нему, и, признаюсь во лжи моей, выдалъ себя за путешественника, изъ разряда пѣхъ, которыхъ Спернъ называетъ *любопытными*. Осмотрѣвъ шкафъ, полюбился его устройствомъ и расположеніемъ, подивился собраннѣмъ въ немъ диковинамъ и возвратился домой. Подражаніе также сообщается отъ челоуѣка челоуѣку, какъ зѣвоша и смѣхъ. Я подумалъ, подумалъ — и давай заводилъ свой шкафъ Липпературныхъ рѣдкостей! Желая однакожь показать въ

нашемъ небольшомъ кругу, что я не совсемъ рабской подражатель, сдѣлалъ въ шкафѣ моемъ слѣдующія опмѣны опъ сосѣдова: мой шкафъ безъ ножекъ; а на корнизѣ его, вмѣсто фризовъ и шаблоновъ, вырѣзанъ стихъ хопя изъ той же Поэмы, но не шопъ, коимъ украшены дверцы шкафа у почтеннаго моего сосѣда. Вотъ выбранный мною стихъ:

Дивище мозгло, мослисто, и глухо, и слѣпо, и нѣмо.

По краямъ шкафа, надъ корнизомъ, распавлены доспавшіеся мнѣ по наслѣдству фарфоровые Кипайскіе уродцы, а на верху шкафа находишь группа, предспавляющая Марсіа, съ копораго сдирають кожу. Группу сію, по моему рисунку, оплилъ одинъ Ипаліанской художникъ—самоучка, обѣщающій со временемъ рѣдкой шалантъ. Спѣша блеснуть моими рѣдкоспями; я наполнилъ на-скоро мой шкафъ разными новоспями, боясь, чтобы сосѣдъ мой не успѣлъ захватить ихъ прежде меня. Назову вамъ нѣкоторыя изъ нихъ, ибо полнаго кашалоба еще не успѣлъ соспавить: нѣсколько похвалъ въ спихахъ и прозѣ одной извѣспной пѣвицѣ; какіе-то спихопворные и прозанческіе

отрывки; около десятка Русскихъ Каламбуровъ, слышанныхъ мною въ театръ; переводъ одной безконечной Нѣмецкой Идилли; большая Поэма, копорая въ подлинникѣ написана гладкими и прекрасными стихами, а переведена шероховатою и несносною прозою; отрывки изъ другой, *оригинальной* Поэмы, въ копорой я вижу много искусства и науки, сужденіе о какой-то *выставкѣ*, въ копоромъ высказано очень много словъ и сказано очень мало дѣльнаго; разборъ новаго пѣснопѣнія, похвальные стихи пѣснопѣвцу и наконецъ вновь перепечатанная Нѣмецко-Русская Баллада. Сіи пять шпурфъ отпрылъ я въ одномъ Журналѣ; я говорю отпрылъ, ибо на нихъ уже лежало на полдюйма пыли, копорая успѣла напасть въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. Послѣдняя изъ сихъ шпурфъ хопя и не новость по времени, но, вѣроятно, всегда будетъ новостію по внутреннему своему достоинству. Долго я любовался ею, разсматривалъ, разбиралъ ее со всѣхъ сторонъ, и теперь спѣшу сообщить вамъ послѣдствіе моихъ наблюдений.

Р Ы Б А К Ъ,
Б А Л Л А Д А.

Бѣжипь волна, шумипь волна!

Задумчивъ, надъ рѣкой

Сидипь рыбакъ; душа полна

Прохладной пишиной.

Первой стихъ какъ бы гвоздями прибитъ на обоихъ полуспишияхъ. Трудно изьяснить красосу его; но конечно найдушся и для него защипники и спанупь доказывающъ, что стихъ сей *звучо - подражателенъ*. Если это и правда, то онъ мѣрою и падениемъ своимъ выражаещъ болѣе *звонъ въ набатъ*, нежели бѣгъ и шумъ волнъ. Впрочемъ, какъ нынче въ модѣ всему подражающъ, и хорошему и дурному, то и сей стихъ имѣлъ своихъ подражателей. Мы нашли въ одномъ стихопвореніи:

Друзья, бодрѣй! друзья, смѣлѣй!

.

Идешь злодѣй, грозипь злодѣй, и ш. п.

Одинъ мой знакомецъ, великой Липшперашоръ, называещъ сіи стихи *отбойными ялбали*. Подлинно отбойные! желательного, чтобъ они поскорѣе ударили отбой изъ Русской Словесности.

. Душа полна
 Прохладной тишиной.

Душа, (должно догадываться, рыбакова) *полна прохладной тишиной*. Въ переносномъ смыслѣ говорится, что восторгъ, благоговѣніе наполняютъ душу; ибо сіе свойственно аналогіи сихъ понятий съ нѣкопородными видимыми дѣйствіями; но ни тишинѣ, ни шуму не приписывается способность наполнять душу. И что за качество тишины, *прохладная*? По этому есть и *теплая тишина* и *знойной шумъ*, и п. п. Здѣсь невольно вспомнишь слѣдующіе стихи изъ одной *Оды въ ероико-нѣжно-нелѣпо-новомиѣ вкусу* *).

Октябро-непогодно-бурна,
 Дико-густѣйша темнопа,
 Сурово припорно-сумбурна,
 Збродо-порывна глухота,
 Мерцаеть въ скорбно-желтомъ слухѣ,
 Рисуеть въ помно-аломъ духѣ
 Туманно-свѣплый небосклонъ.

Право, это также значительное и выразительно! Далѣе:

*) Смори: Журналь полезнаго, пріятнаго и люболышнаго чшенія, изданный въ Москвѣ 1804 года.

Сидишь онъ часъ, сидишь другой;

Вдругъ шумъ въ волнахъ пришихъ.

О! эпопѣ спихъ все еще шумишь; и самымъ несноснымъ для слуха образомъ: сколько словъ, столько для языка запинокъ.

И влажною всплыла главой

Красавица изъ нихъ.

Какъ? голова красавицы соспавлена изъ влаги? Теперь мы видимъ, что она была по крайней мѣрѣ не пуста; и если она была соспавлена не изъ *смольной влаги*, то должна быть прозрачна, какъ хрусталь. Какая выгода, имѣть подругу съ такою головою! все видишь, что въ ней происходитъ!

Глядишь она, поешь она:

За чѣмъ пы мой народъ

Манишь, влечешь съ роднаго дна

Въ кипучій жаръ изъ водъ.

Родное дно! Чтно за спрванное родство? Доселѣ мы говаривали: *родина, родимая сторона*, а *роднаго дна* на Русскомъ языкѣ еще небывало. Вѣрно какой нибудь Нѣмецкой госпъ, неожиданой и незваной?

Хорошъ и *кипучій жаръ*. У насъ жаръ до сего времени жегъ и палилъ, шеперь ужъ онъ кипишь, а безъ сомнѣнiя скоро запынiтся и заклокочеть.

Ахъ! еслибъ зналъ, какъ рыбкой жить
 Привольно въ глубинѣ,
 Не спалъ бы ты себя поминъ
 На знойной вышинѣ.

Гдѣ эта знойная вышина, Г. Сочинитель?
 Я думаю, что она должна находиться по
 крайней мѣрѣ подлѣ солнца, а можетъ быть
 и выше: какъ же суда взобрался бѣдной
 нашъ рыбакъ?—Онъ, помнишь, все еще си-
 дѣлъ на берегу.

Не часто ль солнце образъ свой
 Купаетъ въ лонѣ водѣ?
 Не свѣжей ли горитъ красой
 Его изъ нихъ изходѣ?
 Не съ ними ли сводѣ неба слишь
 Прохладно-голубой?
 Не въ лоно ль ихъ тебя манишь
 И ликъ твоя молодой?

Сія фигура вопрошенія чудесна. Со вре-
 менемъ, когда я спану приводить въ поряд-
 окъ мой шкафъ липперашурныхъ рѣдкостей,
 по непремѣнно помѣщу ее рядомъ съ слѣ-
 дующею, подобною ей фигурою вопрошенія,
 взящую изъ одной Оды:

Самъ Нептунъ что ль строилъ стѣны?
 Сии при морѣ стоятъ?
 Нѣтъ ли Тройскимъ къ нимъ примѣны,
 Что пустишь внутрь не хомятъ

Росско воинство обильно,
 И тому прошиваясь сильно?
 Вислою шамъ всѣ рѣкой
 Не Скамандру ль называютьъ ?
 Не за Иду ль принимаютьъ
 Столценбергъ, кой есть герой?

Спихъ: *Его избъ нхѣ изходѣ*, можетъ
 смѣло поспорить въ красотѣ и гармоніи съ
 любимъ изъ приведенныхъ здѣсь спиховъ Г.
 Тредьяковскаго. Но вопъ вещи, кошорыя
 пѣвцу Тилемахиды и во снѣ не снились:
горитѣ свѣжею красой; не правда ли, чпо
 эпо удивительно какъ замысловапо? — *Про-*
хладно-голубой сводѣ неба! Эпо также
 очень замысловапо! — Со временемъ, мы со-
 спавимъ новыя оппѣнки цвѣповъ и будемъ
 говоришь: *вѣтрено-рыжій, дождливо - жел-*
той, мерзло-синій, знойно-зеленой и ш. п.
 Но оставимъ эпо и полюбуемся, какъ *мо-*
лодой ликѣ рыбака манитѣ его въ лоно
водѣ. Мы не знаемъ, какихъ лѣшь былъ ры-
 бакъ, но видимъ однакожь, чпо онъ былъ
 моложавъ, или молодъ лицомъ.

Здѣсь снова —

Бѣжипъ волна, шумипъ волна. . . .

На берегъ валь плеснулъ!

Въ немъ вся душа тоски полна,
Какъ будто другъ шепнулъ!

Чудо изъ чудесъ! *На берегъ плеснулъ валъ и въ немъ вся душа тоски полна, какъ будто другъ шепнулъ (то то такое)* сему одушевленному валу!—А насъ еще упрекають, что будто мы не шворимъ ничего новаго! Скажите, Гг. злоязычники, кому приходила когда либо въ голову мысль, одушевить валъ?—

Послѣдніе чешыре спиха, признаюсь, для меня никакъ не понятны:

Она поепъ, она манишь —

Знашь часъ его наспаль!

Къ нему она, онъ къ ней бѣжитъ

И слѣдъ навѣкъ пропаль.

Кпо *поетъ и манитъ*? какой и чей *насталъ гасъ*? кпо *онъ* и кпо *она бѣгутъ* другъ къ другу? чей *слѣдъ на вѣкъ пропаль*? . . . Это также понятно, какъ опъшы новой Сивиллы Ле-Норманъ, и по тому я не берусь разгадывать.

Вы, милоспивый государь мой, пакъ давно уже занимаетесь соспавленіемъ и классификаціей Липшерапурной кунспкамеры, слѣдовательно имѣете по сей часпи обшир-

ныя познанія и великую опытность. Надѣ-
юсь, что вы не откажетесь и меня руко-
водствовать вашими совѣтами, и на первой
случай покорнѣйше васъ прошу снабдить
меня наставленіемъ, какимъ образомъ раз-
путывать подобные симъ Гордіанскіе узлы,
если оныя впредь попадутъ мнѣ при раз-
сматриваніи нѣкоторыхъ шпифъ моей кун-
сткамеры? Симъ вы меня весьма чувствви-
тельно одолжите.

Житель Галерной Гавани.

IV. ИСТОРИЯ и ПОЛИТИКА.

О СОСТОЯНІИ ВЕЩЕЙ и ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ПОЛОЖЕНІИ ГОСУДАРСТВЪ ЕВРОПЫ.

Горизонтъ Европы начиналъ-было помрачаться. Австрія и Испанія готовили другъ прошивъ друга ополченія и все предвѣщало брань ужасную и шѣмъ болѣе, что должно было сражаться не прошивъ одного оружія, а съ мнѣніями, копорыя преврапились въ энтузіазмъ къ нововведеніямъ. Но — Россія приняла посредничество—и спокойствіе въ Европѣ еще не нарушено. На Конгрессѣ въ Троппау положено начать переговоры съ Королемъ Неаполитанскимъ. Мановеніямъ *Самодержица* Россіи внимають народы. Побѣдивъ прежде силу силою, остаешся шеперь побѣдивъ мнѣнія и пагубную приверженность къ перемѣнамъ — и можно надѣяться, что вліяніе Демократовъ уничтожится по гласу

мудрой опытности. Она вѣщаетъ къ народамъ, что несосредоточенная власть никогда не вела многочисленныхъ обществъ къ благоденствію и счастію. Раздѣленіе оной всегда производило споры, вражды и упадокъ Государствъ. Надъ обществами людей часто носятся бури и кто же можетъ оповѣсти ихъ? Одна рука сильнаго: не оружіемъ только, но и доблестями. Человѣчество если и подвигается впередъ, то медленно: всеобщее просвѣщеніе и образованіе всегда будутъ болѣе мечтами. Страсти непрерывно оспариваются съ людьми.

Не лѣзя спорить, что въ древнихъ Республикахъ Греціи и Рима было много великихъ людей. Но гдѣ долго могли существовать Демократіи? Не управлялись ли въ то время онѣ паршіями? Не была ли тогда власть удѣломъ богатства и хитрости? Правда, что на землѣ чистые ключи бьются въ рѣдкихъ мѣстахъ, но не всѣ люди по необходимости пьютъ мутную воду. Если въ нынѣшнемъ состояніи вещей открыты всѣ дороги къ развращенію, то есть путь и для добродѣтели. Если и укоренилось зло, то оно само часто оплакиваетъ свою побѣду и

триумфы. Одинъ только храмъ истинной славы возвышается на незыблемомъ основаніи, и сыны его, сыны свѣща ликуютъ въ ономъ съ вѣчносью.

Филантропія учить любить человѣчество; но сія самая любовь должна основываться, чтобы не будить вдругъ младенца. Пробужденіе его можешь произвести еще другой сильнѣйшій обморокъ и открыть бездну, раждаемую полупросвѣщеніемъ. Теперь и со львами живутъ агнцы; много пущины, но есть и страны благословенныя; море не изсякаетъ и рыбы обпекаютъ подлунный міръ, но вездѣ сіяетъ солнце сколько нужно для свѣща и жизни. Моисей раздвинулъ жезломъ своимъ валы морскіе... Пусть филантропы оплакиваютъ бѣдствія земнородныхъ; пусть говорятъ, что униженное человѣчество имѣетъ одно утѣшеніе простирать руки свои къ корысти, для копровой попирающа и честь и совѣсть. Пусть, по ихъ мнѣнію, любовь уже на небѣ — часы пробили и съ шѣхъ поръ гласъ Природы умолкъ. Нѣтъ! любовь еще говоритъ сердцу и самое вознесеніе ея открываетъ попу пусть, по которому добродѣтельные шест-

вуютъ къ блаженству. Если нынѣ слабые падаютъ подъ бременемъ несчастій, если сильные погибаютъ отъ собствѣнныхъ страстей и слѣпой самонадѣянности, то все сіе не открываетъ ли еще младенческаго состоянія человѣчества, среди копорого возвышается одна опытность. Переспанемъ произносимъ жалобы:—въ Природѣ еще носится враждебный духъ между пварей; но людьми управляетъ разсудокъ, копорой хотпя и покоряется необходимости, однако не безмолвствуетъ. Ежели грубые, или лучше, испорченные невѣжи и дышатъ еще какъ царство живописныхъ, то люди уже постигаютъ прекрасное, доброе, справедливое и чувствуютъ всѣ прелести ума, знаній, искусствъ, дружбы и симпатіи. . . Пусть есть еще обширное поле для Гераклиповъ, пусть собираютъ дань справедливой похвалы и Демокрипы—не смотря на слезы и смѣхъ общества, теперь шествуютъ къ своему возвышенію — это открываетъ и порывъ многихъ Державъ къ образованію. Если избираемые ими пупи къ учрежденію законныхъ постановленій еще не таковы, коиъ пребудутъ

достояніе вещей, по опытъ и самыя бѣдствія дополняютъ недоспашки.

Пройдушь заблужденія и мнѣніе, что Испанская Конституція есть образецъ ума и Полипики. Она способна только попрясать воображеніе, а не плѣнять разсудокъ, руководимый опытноспію. Это свѣтъ не истиннаго солнца, а многихъ и ложныхъ. Если они и будутъ еще блиспать, по какъ метеоры, копорые должны исчезнуть и погрузишья въ бездну. Разрывалась цѣпь между Государемъ и народомъ и Царства всегда падали—рано или поздно, но погибель ихъ была неизбѣжна.

При началѣ Французской революціи, слова *свобода* и *равенство* двигали умами. Но какія они произвели бѣдствія? Какое зло шлягопѣло надъ Европою почти чрезъ цѣлые придцать лѣтъ? Теперь слово Конституція сдѣлалось споль же магическимъ и наполняетъ головы неопытныхъ. Они подъ нимъ понимаютъ не собраніе постановлений, копорыя образуютъ полипическое тѣло, но перемѣны, толкуемыя въ свою пользу, по видамъ корыспи и необузданности. Но надобно знать, что составъ Государствъ

образуюць спольшія. Всякая быспрая и скорая перемѣна ведеть за собою по большей части зло, возраспающее по мѣрѣ опшняція средствъ ошь власпи одного, копорая только можеть врачевать раны Государства.

Испанскіе Коршесы обнародывали свою Конспишущію подь пушками непріятелей, когда они были соединены въ Кадиксъ и разлучены съ Королемъ. После сего можно ли предполагать въ ней шу мудрую опышность, копорая одна въ соспояніи шворишь постановленія? Сія Конспишущія вынуждена чрезвычайными обспояшельспвами. Народъ повиновался ей по необходимости, пошому что видѣль въ Коршесахъ людей сильныхъ и готовыхъ прошивоспашь припѣснипелю независимости Испаніи. Народъ хощѣль только свергнушь чужеземца. Исполнилось его желаніе — Монархъ возвращень былъ къ подданнымъ и они слишкомъ чрезъ плышь лѣпть повиновались законному Государю своему, не думая о введеніи Конспишущіи, копорая благопріятна для однихъ Коршесовъ. Въ началѣ минувшаго года сіи одержали верхъ; но могущество ихъ не можеть бышь продолжи-

шельно. Не смотря на многія полезныя ихъ начинанія, народъ со временемъ увидишь въ нихъ пирановъ. Съ шѣмъ вмѣспѣ необходимо произойдутъ паршіи, и Испанія испытаешъ всѣ бѣдспвія неминуемо раждаемыя съ правленіемъ многихъ. Чшо и шеперь уже происходятъ? беспрестанныя безпокойства въ большей часши городовъ Испаніи, беспрестанные аресты въ самомъ Мадридѣ, беспрестанныя перемѣны въ лицахъ, составляющихъ Правительство и начальство надъ войскомъ. Пусть нѣкопорые опдають справедливость благоразумію и швердосши нынѣшнихъ Испанскихъ Кортесовъ, попому чшо ими уничпожена Инквизиція:—но опнявъ опгъ монастырей и церквей имущеспво, они навсегда вооружили прошивъ себя духовенство, а сей классъ въ Испаніи многочисленъ, богатъ и всегда имѣль большое вліаніе на умы сего поспояннаго и гордаго народа. Самъ Король разлученъ съ своимъ духовникомъ и Гросмейстеромъ, не смотря на соболъзнованіе его и увѣренія, чшо они никогда не мѣшались въ дѣла полишическія. По Конспишущіи Кортесовъ ни дворянство, ни духовенство, какъ сословія, не

имѣють права посылать къ нимъ своихъ Депутатовъ. Не положено ли симъ начало къ уничтоженію правъ и преимуществъ сихъ сословіи? Но въ Монархіяхъ дворяне и духовенство составляютъ шѣ необходимыя и связывающія народъ съ Государемъ кольца, безъ которыхъ вся цѣпь и постепенная лѣстница сего правленія неминуемо должна рушиться. Ими только утверждается власть. Нѣтъ дворянства и духовенства: не существуетъ и Монархія. Тогда рождается Демократія и съ Королемъ остается одно пишло. Можетъ быть, вліяніе сихъ сословіи думаютъ замѣнить Депутатами городовъ, провинцій и законами; но могутъ ли на всѣ случаи быть опредѣлены законы и не должны ли они происходить только изъ произшествій? Прочтите Русскую Правду, Судебникъ, Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича; законы Петра Великаго и мудрой Екашеріны — и вы увидите духъ того времени, образъ понятій, нравы и самыя дѣла, которыхъ тогда занимали правительство. Прочтите Испанскую Констицію. Эшо собраніе умозрѣній и средствъ, какимъ образомъ избавишься отъ правленія Короля,

чтобы поставили престолы шпанска многихъ подъ видомъ свободы. По Конспирации Кортесовъ, не существующей какъ въ Англии верхняя Палата Лордовъ, а во Франціи Палата Перовъ, составленная изъ знатнѣйшаго дворянства и духовенства. Это неминуемо должно будетъ сдѣлать Испанское правленіе демократическимъ и разрушивъ всѣ бывшія основанія власти. Воистину причина, по которой не надобно желать сохраненія Испанской Конспирации. Она противна ходу дѣлъ всѣхъ Государствъ Европы, въ которыхъ вездѣ существуютъ Конспирации даруемая Монархами. Испанскую можно сравнить съ источникомъ, который падая съ верху крупаго утеса, стремится прокладывать себѣ пути между твердыхъ кремнистыхъ скалъ и, кажется, что рано или поздно онъ долженъ будетъ слиться съ Океаномъ общей политической системы Европы.

Сниткинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ)

V. С М Ъ С Ь.

а) ПРИМЪЧАНІЕ НА ЛИТЬЕ АРТИЛЛЕ- РІЙСКИХЪ ОРУДІЙ.

„Quoique tout dans la théorie, paroisse annoncer
„des succès dans cette recherche, on ne peut cependant
„se flatter de réaliser ses espérances. qu'autant que
„l'on pourra s'aider de l'expérience. „

C. Lamartilliere.

Различное мнѣніе на щеть прочности и доброты артиллерійскаго металла, побудило многихъ артиллеристовъ сомнѣваться въ самомъ способѣ отливанія орудій; и даже предпочитали прежнія глиняныя формы или кожухи, вновь употребляемымъ чугуннымъ опокамъ. Опъ сего произошелъ весьма важный и любопытный вопросъ: который изъ сихъ способовъ преимущественнѣе долженъ быть принятъ въ артиллеріи! и разрѣшеніе онаго пребудеть большей опытности, озаренной теорією. Не имѣя доста-

почныхъ свѣдѣній въ физико-математическихъ наукахъ, и возможности удостовѣриться опытами въ истинѣ своихъ заключеній, я не осмѣливаюсь ничего утвердительнаго о семъ сказать: но желая по мѣрѣ своихъ способностей, соопвѣтствовать цѣли избранной мною службы, я рѣшился сдѣлать только извѣстнымъ свой образъ мыслей о семъ предметѣ, не упоминая сколь нужно обратить вниманіе на самое дѣйствіе пороха, на самую теорію для опредѣленія длины орудій, и на другія обстоятельства, заслуживающія подробнаго изслѣдованія и содѣйствующія къ поврежденію артиллеріи. Безпристрастіе, справедливость и строгость въ сужденіяхъ, опредѣляющъ истинную цѣну всѣмъ открываемъ; и искуснѣйшіе артиллеристы, вѣроянно для общей пользы, не оставятъ улучшить и дополнить всѣ тѣ предположенія мои, кои основаны только на слабыхъ познаніяхъ въ теоріи Артиллерійской Науки, или откроютъ мнѣ всѣ тѣ недоспадки и мечпательныя заблужденія, въ кои я неопытношью вовлечень. „Нельзя сдѣлаться гениемъ ни въ какія лѣта, *говоритъ Вольтеръ*, но всегда можно исправлять свои ошибки.„ Время и обстоятельство усовершенствуютъ успѣхи въ искусствахъ и Наукахъ; и уже въ XIX столѣтіи общее мнѣніе возстае противъ тѣхъ предразсудковъ, предубѣжденій и невѣжества, которыя въ началѣ, по внушенію

ослѣняющихъ спраспей, пропивились общей пользѣ и подавляли возникавшіе плоды.

Для опроверженія всѣхъ шѣхъ замѣчаній, кои были сдѣланы на щепь непрочности артиллерійскаго мешалла, при опливаніи орудій въ чугунныя опоки, въ прошедшемъ году были произведены опыты надъ нѣсколькими пушками, въ разное время и различнымъ образомъ оплипыми; и послѣ 2000 выстрѣловъ, сдѣланныхъ изъ каждаго орудія, при 27 опытахъ, стрѣляя при различномъ состояніи погоды, по 150 разъ изъ каждаго въ два приема и съ такою скоростью, какъ обыкновенно сіе случается въ рѣшишельныхъ сраженіяхъ, ш. е. чрезъ 1, 2 и 3 минуты, заключили между прочимъ, по освидѣшествованіи каждаго орудія, что нынѣ употребляемый мешалль хорошъ и прочень; что вновь оплипыя орудія изъ одной новой мѣди, столь же крѣпки какъ и шѣ, кои вылиты изъ старыхъ орудій, съ прибавленіемъ потребнаго количества новой мѣди и олова; и что лишь въ опоки, имѣеть неоспоримыя преимущества предъ глиняными формами; кои однакожь во Франціи и въ другихъ Государствахъ доселѣ не оставлены, хотя опоки первоначально были описаны *Монжемъ* во время революціи, и при всей пользѣ сего изобрѣшенія, нигдѣ, выключая Россіи, не введены во всеобщее употребленіе; но

даже, по мнѣнію многихъ искусныхъ артиллеристовъ, почитаются хуже кожухъ.

Подражаніе чужестранному, сомнѣніе въ лучшемъ способѣ опливанія орудій, неупотребленіе опоковъ въ прочихъ Государствахъ, гдѣ артиллеріи съ давняго времени славится своимъ усовершенствомъ, произвели различіе во мнѣніяхъ, о преимуществѣ прежняго способа предъ новѣйшимъ: и таковое мнѣніе наиболѣе нынѣ утверждается, по превосходному сочиненію *Графа де Ламуртильера*, копорый, какъ кажется, предпочитаетъ для лишья орудій кожухи, нами употребляемымъ опокамъ. Но уваженіе и признательность къ истиннымъ заслугамъ сего новѣйшаго Писателя, не прелятспивують мнѣ, вопреки сему, свободно изложитъ свои мысли, о пользѣ оныхъ; и шѣмъ болѣе опровергнувъ ложное заключеніе нѣкоторыхъ, полагавшихъ, что единственно ошъ сего рода лишья орудій происходишь непрочнось артиллерійскаго металла.

По моему мнѣнію, введеніе опокъ, для опливанія мѣдныхъ орудій, есть одно изъ шѣхъ важныхъ усовершенствованій артиллеріи; коимъ она обязана Французской революціи, и опличаясь предъ всѣми успѣхами прошедшихъ столѣтій, доспавляетъ въ сѣмъ важное преимущество Россійской артиллеріи предъ прочими Государствами; ибо разсматривая и сравнивая оба

способа литья орудій, описанныхъ въ Артиллерійскомъ Журналѣ Военно - ученаго Комитета 1809 года, N IV, мы можемъ вывести слѣдующія заключенія:

1. Что какъ кожухи прежде сего употребляемыя, такъ и чугунныя опоки, суть ничто иное какъ формы, въ кои вливается расплавленный артиллерійскій мепалль, и слѣдственно непрочность онаго ни какъ не должно приписывать къ самымъ опокамъ; но скорѣе всего къ дурному соединенію мѣди съ оловомъ, при самой расплавкѣ оныхъ въ липейной печи и къ постороннимъ причинамъ, препятствующимъ при обоихъ способахъ опливанія орудій, въ хорошемъ смѣшеніи его часпей; и сіи причины заключаюся въ дѣйствіи паровъ на мепалль, а можетъ быть и газовъ; кои могутъ произойти отъ прикосновенія расплавленного мепалла къ глинь, заключающей въ себѣ въ большемъ количествѣ разныя органическія или растительныя вещества, при сильной температурѣ разлагаемыя. Сіи упругія вещества, вѣроятно, болѣе силу свою обнаруживаютъ при дурномъ расплавленіи и смѣшеніи мепалловъ; особенно если при литьѣ спарыхъ орудій, не довольно обращено вниманія на химическое разложеніе смѣшенной мѣди, прежде ея употребленія и по найденнымъ свойствамъ оной, не прибавлено къ нему въ соразмѣрности новой мѣди и олова. Сіе

обснопельство весьма важно при лишѣ орудій изъ старыхъ иноспранныхъ пушекъ, кои были иногда составлены не только изъ обыкновенныхъ металловъ; но часто въ соединеніи съ другими, какъ по: свинцомъ, цинкомъ, сурьмою и пр. такъ какъ сему служатъ доказательствомъ опыты, дѣланные въ Ганноверѣ въ 1800 и 1803 годахъ. И такъ опоки, такимъ же образомъ при лишѣ орудій употребляемыя, какъ и глиняныя формы, едва ли могутъ имѣть болѣе ихъ вліянія на плотность металла.

2. Нельзя сомнѣваться, что опоки по свойству чугуна, составляютъ гораздо надѣжнѣйшія и безопаснѣйшія формы, нежели кожухи, сдѣланные изъ глины и пр., кои опять лишья расплавленнаго металла скорѣе могутъ разрушиться. *См. Артиллер. предложенія Вельяшска-Волыницова, 1767 года, стр. 123 и Основаніе Артил. и Понт. науки, 1816. Ч. 1, стр. 23.*

3. Для составленія глиняныхъ формъ необходимо нужно на каждое орудіе 56 рабочихъ на 28 дней и издержекъ 90 руб. 43 коп.; для опокъ же поребно 34 рабочихъ на 7 дней, а издержекъ 11 рубл. 27 коп. И такъ при одинакой плотности металла и при уменьшеніи издержекъ, времени и рабочихъ, наши орудія опдѣлываются скорѣе и лучше въ опокахъ, нежели въ кожухахъ; а самая прочность ихъ дока-

зана опытами на *Волковомъ полѣ* повпоренными, надъ орудіями различнымъ образомъ оплипыми.

Не упоминая о многихъ другихъ наблюденіяхъ касательно пользы опоковъ, можно заключить, если и вообразимъ, что при новомъ лишь орудіи, мешалль бываетъ иногда слабъ, то сіе происходитъ не отъ самой сущности чугунныхъ формъ; но отъ другихъ причинъ, по коимъ должно преобразовать одинъ только способъ ихъ употребленія: и самыя сіи причины, вѣроятно, находящяся и при прежнемъ лишь. И потому бесполезно и вредно бы было уничтожать то, что послѣ многихъ опытовъ признано полезнымъ; но необходимо должно, соображаясь съ временемъ и постепеннымъ усовершенствованіемъ Наукъ и искусствъ, стараться безъ введенія новыхъ перемѣнъ, болѣе исправлять и улучшать уже извѣстное. Для сего, руководствуясь сочиненіями *Монжа*, *Шарпгорста*, *Лалартильера*, *Артиллерійскимъ Журналомъ* и пр., я беру смѣлость сдѣлать слѣдующія замѣчанія касательно лишь орудій въ опоки.

1. Послѣ различныхъ заключеній о неудобности опоковъ, одно справедливымъ, мнѣ кажется, можно полагать то, что при лиль нашихъ орудій, вообще какъ въ опоки такъ и въ кожухи, водяныя частицы, испаряясь при осушеніи

формы, отъ разширительной силы шеплошвора, снупри на нее дѣйствующаго, вмѣстѣ съ другими газами, раждающимися отъ разложенія расширительныхъ частей глины; въ чугунныхъ опокахъ упошребляемой, отъ дѣйствія шепловора образують нѣкую упругую жидкость, проникающую въ смѣшеніе мѣди съ оловомъ, дѣйствующую на ихъ разнородныя части и прѣпятствующую въ удобномъ ихъ химическомъ соединеніи. Отъ сего можетъ иногда случиться, при дурной расплавкѣ металловъ и несообразномъ количествѣ ихъ частей, а особенно при переливкѣ шарыхъ орудій въ формы дурно осушенныя, что олово недовольно соединено съ мѣдью, металлъ дѣлается ноздреватымъ, въ изломѣ крупно-зернистъ, жилистъ и какъ бы облитъ оловяннымъ блескомъ—словомъ, не имѣетъ достаточной силы твердости и сцѣпленія. По чему, помнѣнію нѣкошорыхъ, олово собравшись къ ценшпру, по мѣрѣ какъ металлъ оспывая швердѣль, при первыхъ выспрѣлахъ вывалившись, образуешь множество небольшихъ раковинъ. Но сіе предположеніе есть увеличенное, и едва ли нынѣ сіе можетъ быть, когда во всей Европѣ все искусства ежедневно болѣе и болѣе усовершенствуются, и единшвенно можетъ произойши шолько отъ дурнаго смѣшенія и очищенія сихъ металловъ въ самой лишейной печи. Правда, что при лишѣ орудій въ глиня-

ныя формы, хопя пѣ же неудобства находѣт- ся, но они не споль сильно дѣйствують, сколько при опокахъ; ибо, заключаая по химическимъ опытамъ, дѣлаемымъ при разложеніи воды посредствомъ желѣза, мы предположишь можемъ, что по малой вязкости и плотности кожуха, ссоставленнаго изъ глины и другихъ мало вязкихъ веществъ, водяныя часпицы, испаряющіяся опѣ дѣйствія тепловора, удобнѣе проникають сквозь скважины глиняной формы и сообщаясь съ наружнымъ воздухомъ, въ меньшемъ количествѣ дѣйствують на расплавленный металлъ, нежели при чугуныхъ опокахъ, болѣе препятствующихъ пакъвому ихъ отдѣленію! по сію самую выгоду легко можно доставить и чугунымъ опокамъ. Надлежитъ умножить на оныхъ число дыръ, такъ какъ оныя, при введеніи опокъ въ употребленіе, съ благоразумною цѣлью были предложены и, не знаю по чему, оставлены. Я полагаю нужнымъ сдѣлать чугуныя опои во всѣхъ часпяхъ съ многочисленными малыми дырами, наподобіе рѣшетта, изъ коихъ удобно бы въ болѣшемъ количествѣ могли выходить пары и упругія вещества.

2. Для уничтоженія сего вреднаго обстоя- тельства, могущаго имѣть нѣкоторое вліяніе на прочность металла, я считаю необходимо нужнымъ, лучше устроить самую пу яму: въ ко- зпоруку вкапываюцца опои, а именно: для вер-

никальнаго постановленія оныхъ, слѣдуетъ сдѣлать чугунный помостъ, который такъ какъ и вся яма, заключающая въ себѣ формы для орудій, сильно нагрѣвалась бы снизу особыми печами, заблаговременно до липня мѣди наплавиаемыми; а для удобнаго и равнаго сообщенія тепла во всѣхъ частяхъ опоки, можно провесити трубы.

3. По установленію опокъ въ яму, надлежитъ ихъ засыпать сухимъ пескомъ, который я почищаю для сего болѣе способнымъ къ предожигельному сохраненію теплоты, нежели землю, заключающую въ себѣ многія жирныя или влажныя частицы, въ видѣ густаго шума на испаряющіяся. На сіе обстоятельство, кажется, и въ самой Франціи не обращали довольно вниманія; но при всей своей маловажности, я думаю, что оно имѣетъ вліяніе на опливаніе орудій; отъ чего вылитый металлъ въ холодную опоку, особенно во время сильной зимы, при скоромъ остываніи, вѣроятнѣе перьяльнѣекопору ю степень своего сѣвленія и лишается двухъ главныхъ своихъ свойствъ: вязкости и твердости. *Сведенбергъ* говоритъ въ своемъ разсужденіи о желѣзѣ: „что скорое остываніе металла не только что разрушаетъ совокупленіе частей его; но, раздѣляя ихъ, прѣпятствуетъ каждой части соединиться и принять естественное свое положеніе.“

4. Для скорѣйшаго осушенія формы, я думаю не худо бы было прибавлять къ премоу частямъ песку и чепыремъ глины, еще одну часть очищенной, просѣенной, сжееной извѣспи (*calc viva*), или какого либо другаго химическаго состава, дабы по извѣстнымъ законамъ Физики, болѣе способствовалоу къ лучшему соединенію прочихъ частей и къ скорѣйшему осушенію формы. Сверхъ того, должно обратишь вниманіе на самое свойство сихъ матеріаловъ, для составленія формы употребляемыхъ; ибо неплотность металла можетъ также произойти отъ паденія земляныхъ влажныхъ частицъ изъ формы, отдѣляемыхъ жаромъ расплавленной мѣди; и, смотря по количеству сихъ частицъ, металлъ будучи влипъ въ опоку, при своемъ движеніи не успеетъ выгнать ихъ въ прибыль. Сіе обстоятельство весьма важно; ибо замѣчено во всѣхъ орудіяхъ, что ноздреватость и неплотность металла въ прибыли умножается по величинѣ калибровъ орудій.

5. По опытамъ извѣстно и *Ламартильеръ* въ томъ утверждаетъ, что металлъ при осмываніи въ формѣ, чрезъ нѣсколько часовъ послѣ липья, подымается въ верхъ, такъ что выходитъ за края прибыли. Сіе происходитъ отъ слѣдующихъ причинъ: 1) отъ кристаллизаціи, ибо всякій металлъ въ швердомъ состояніи занимаетъ болѣе пространства, нежели въ жидкомъ

каллеобразномъ; 2) ошь упругаго вещества и воздуха, въ опокѣ на расплавленный металлъ дѣйствующихъ; и 3) по закону тяжести и сдѣлленія однородныхъ частиць. По симъ причинамъ металлъ приходитъ въ извѣстное движеніе, которое уменьшается, при пониженіи температуры: по сему если на сдѣлленія его частиць будутъ дѣйствовать постороннія причины, то при скоромъ охлажденіи металла, онъ только въ низу въ винградской части осядетъ плоско, а въ дульной и средней ноздревашѣ, что мы можемъ заключить изъ сочиненія *Шарнгорста*, по опытамъ дѣланнымъ въ Дуль и Ганноверѣ и пр. По моему мнѣнію, сіе неудобство можно нѣсколько исправить, противупоставивъ движенію металла какую либо тяжесть, то есть, надлежитъ увеличитъ прибыль или излишекъ, въ дульной части орудія находящійся.

Если бы кристаллизація не обнаруживала споль великой своей силы, такъ какъ мы можемъ заключить даже по разрушенію металлическаго цилиндра чрезъ кристаллизацію воды, употребляемой при ломкѣ гранишныхъ камней, то относительно ко второй причинѣ, т. е. для противодѣйствія паровъ и газовъ, можно бы было, чрезъ нѣсколько часовъ послѣ липья орудія, опускать на прибыль раскаленную чу-

тунную илипу, которая оспывая вмѣстѣ съ охлажденіемъ вылипаго орудія, болѣе бы сжимала металлъ, принудила бы въ точности наполнять всѣ часпи формы и невысоко подниматься, опъ чего уменьшается сила сцѣпленія его. Но по невозможности сего сдѣлать, доспаочно для обѣихъ причинъ увеличимъ прибыль въ дульной часпи; ибо чрезъ давленіе наружнаго воздуха и большаго количества влипаго металла, не препятствуя кристаллизаціи, заключающіеся пары и газы принуждены будутъ проникать чрезъ скважины формы, и часпи артиллерійскаго металла, находясь болѣе въ свободномъ состояніи и лучше соединяясь между собою, получаютъ по тяжести своей и наружному давленію, доспаочную плотность, которую сохраняютъ при самомъ охлажденіи металла, нисколько не мѣшая для уменьшенія одупловостей, чптобы всѣ нечистоты, заключающіяся въ жидкомъ его состояніи, поднимались къ верху.

6. Изъ сего слѣдуетъ заключить, что при лишьѣ орудій болѣе всего нужно обратишь вниманіе: 1) на очищеніе металловъ при самомъ ихъ смѣшеніи; дабы ихъ болѣе предохранить опъ прикосновенія наружнаго воздуха, опъ чего происходятъ окислы; 2) уничптожить или по крайней мѣрѣ ослабить дѣйствіе

паровъ и газовъ, въ формахъ заключающихся, и особенно увеличивающихся, если пригопвленныя формы во время зимы долго находились въ сырыхъ холодныхъ ямахъ; 3) на кристаллизацію самаго металла. Относительно къ первымъ двумъ причинамъ, я полагаю, что охлажденіе орудія должно быть медленно, и для сего необходимо должно, послѣ липья нагрѣвать въ ямѣ чугуныя опоки, пока орудіе не окрѣпло.

7. Я почишаю также для сего неизлишнимъ, чтобы при обыкновенномъ нашемъ липьѣ орудій, олово не кидать кусками въ расплавленную мѣдь, но вливать оную, такъ какъ сіе дѣлають во Франціи: наблюдая при томъ, чтобы оно вливалось съ низу въ металлъ; ибо лучшее соединеніе и смѣшеніе всѣхъ расплавленныхъ металловъ много зависишь отъ большаго прикосновенія частей ихъ, въ жидкомъ состояніи находящихся и отъ очищенія ихъ отъ разнородныхъ веществъ. Не бесполезно бы было также испытать всѣ тѣ вспомогательныя средства, кой при маломъ липьѣ употребляются для большаго очищенія металловъ, и извѣсны подъ названіемъ flux réductif; а при самой расплавкѣ ихъ, для предохраненія отъ окисловъ, можно прибавлять буру (borate de soude) или спеклянную массу; дѣйствіе коихъ въ томъ состо-

ить, чтобы покрывать расплавленный металл особою легкою поверхностью, предохраняющею отъ прикосновения воздуха: отъ коего рождаются окислы, вредящія хорошему смѣшенію сплавляемыхъ металловъ.

8. Наконецъ, изъ двухъ способовъ опливанія орудій, по еспь, *глухими* и *со стержнемъ*, должно вѣрнѣе испытать, копорый изъ нихъ преимущественнѣе; ибо въ томъ и другомъ заключающагося многія выгоды и недоспапки, такъ какъ о семъ упоминаеть *Ламартильеръ*. Въ первомъ случаѣ, металлъ въ средину садится мягче, нежели съ боковъ, и спѣны орудія состояющагося изъ мягкаго металла, въ коемъ при большомъ разгоряченіи отъ дѣйствія пороховой силы, иногда ядра дѣлають углубленія. Выливая орудія съ внутреннею пустою, такъ какъ большею частію сіе въ древности употребляли, спѣны канала прикасаясь къ стержню, получаютъ нѣкопорый закалъ и спановяцца крѣпче, что мы можемъ заключать по большей твердости наружной стороны всякаго орудія. Но при семъ лишь главное неудобство находится въ томъ, что каналъ спруднѣе сдѣлать прямымъ, и, при сверленіи вылитыхъ орудій безъ пустоты, сіе затрудненіе не воспрѣчается. По моему мнѣнію, искусный лишейщикъ можетъ опврапитъ сіе неудобство: 1) утвердивъ съ

верху неподвижно спержень, такимъ образомъ, чтобы оный совершенно былъ опвѣсенъ къ горизонтальной плоскости, на коей поставлена опока; 2) или выливая орудія не съ дульной части, такъ какъ обыкновенно сіе дѣлають; но съ винградской, и приличнымъ образомъ поставивъ въ немъ спержень. Но для сего потребны большія испытанія; ибо мы знаемъ, что артиллерійскій металлъ вверху садится не столь плотно сколько внизу: между тѣмъ, какъ при химическихъ опытахъ въ маломъ видѣ, всѣ сплавки во всѣхъ частяхъ всегда почти одинаковой доброты: слѣдственно при лишѣ орудій дѣйствуютъ какія-либо диспороннія причины, кои должно изслѣдовать; наблюдая при этомъ общее правило для опредѣленія паровъ и газовъ; а самыя неправильности канала, мнѣ кажется, могутъ быть исправлены на сверильной машинѣ. Для сильнѣйшаго доказательства въ преимуществѣ сего способа лишья пушекъ предъ обыкновенно употребляемымъ, мы скажемъ только то, что морщины, вылитыя глухими, по самымъ опытама оказываются не столь прочными сколько тѣ, кои опливаются съ внутреннею пустою для копла и каморы.

Таковыми маловажными способами я предполагаю исправить въ лишѣ нашихъ орудій тѣ

малозначущіе недоспашки, коими опорочивають полезное дѣйствіе нашихъ опоковъ, и ушверждають въ нербходимости ихъ вывеспи изъ употребленія.

Но если мы положимъ, при всей невозможности, что чугуныя опоки имѣють вредное вліяніе на артиллерійскій металлъ: то почти тѣ же самыя неудобства заключаются въ глиняныхъ формахъ, кои при новомъ введеніи въ употребленіе, необходимо должны быть болѣе улучшены; ибо прежній способъ опливаншя орудія, показываеель все несовершенство, рождающихся искусствъ, хотя болѣе нашего преобразованъ былъ во Франціи. вмѣсто медленнаго, временнаго и дорого спюющаго составленія болвана, изъ веревокъ, глины, сала и пр., для каждаго орудія, по составленію формы разрушаемаго, должно заимствовашься отъ опоковъ металлическимъ болваномъ и, сдѣлавъ въ немъ нужныя перемѣны, примѣнитъ его къ глинянымъ формамъ, отъ чего зависитъ въ орудіяхъ большая вѣрность, правильность и единообразность во всѣхъ частяхъ. Сверхъ того, для большой прочности орудій, при обоихъ способахъ ихъ опливанія, необходимо нужно взятьъ пѣже предоспорожности для осушенія формъ; и оныя къ опскамъ гораздо удобнѣе и безопаснѣе могутъ быть примѣнены, нежели къ кожу-

хамъ. И такъ все усовершенствованіе лишьа орудій, по моему мнѣнію, должно заключаться въ томъ, чтобы помощью теплошвора болѣе уничтожать дѣйствіе атмосфернаго воздуха, паровъ и газовъ, и чрезъ разгоряченіе онокъ, внутри формы ослабить силу и тяжесть воздуха, пропивооспавленнаго лишью расплавленнаго металла.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

б) БАНДИТЫ ВЪ ИТАЛІИ (*).

Бандиты въ Италіи есть поже самое, что и бывшіе разбойники во времена Робинъ Гоода (**). Они не принадлежать къ бѣднѣйшему и ничтожному классу народа, пошому что Бандитъ обладаетъ не рѣдко довольно пространнымъ участкомъ земли, на кошоромъ имѣеть домъ и хозяйство. — Онъ оставляетъ иногда только свое жилище, когда у него есть въ виду добыча, или, гонимый рукою сильнаго, скрывается отъ гибели въ неприступныхъ ущеліяхъ Аппенинскихъ.

Сии разбойники живутъ большими и малыми партіями подъ начальствомъ храбрыхъ атамановъ, кошорые управляютъ подчиненными неограниченно, но бывають часто и сами жертв-

(*) Изъ путевыхъ записокъ ученой Англичанки, Маріи Грагамъ: *The mounts passed in the mountains East of Rome, during the year 1819*; London, 1820.

(**) Этошъ извѣстный разбойникъ живетъ и теперь въ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ. Въ 1820 году вышла въ Лондонѣ книга, содержащая всѣ похождения Робинъ Гоода: *Robin Hood, a collection of all the ancient Poems, Songs and Ballads now extant relative to that celebrated english Outlaw*, 1820.

вою своей жестокости, когда несправедливо съ ними обходятся.

Разбойники, къ копорымъ попала въ плѣнь путешественница, Марія Грагамъ, принадлежали къ шайкѣ славнаго Цезариса, копорый дѣлалъ непроходимыя горы Аппенинскія, и наконецъ заспрѣлень былъ при Террачино. — Онъ разспиранилъ страхъ и славу свою до самыхъ стѣнъ Рима, и наспоаятельно пребовалъ выкупа у Правительства за одного знаменипаго чиновника, копорый имѣлъ несчастье попастъ въ руки сего спрашнаго апамана. Папскіе солдапы были посланы, чптобъ поймапъ его, но команда не найди бунповщика въ деревнѣ Просседи, умершвила жену его и дѣшей. Цезарисъ узнавъ это, воскипѣлъ яростію и, подобно свирѣпому льву, наполнилъ ужасомъ и смертію окреспныя селенія.

Эпоптъ апаманъ имѣлъ при себѣ всегда бумагу, чернила и перья, копорыя хранились въ особой сумкѣ; кромѣ ружья, пары пистолеповъ и богашой сабли, нарядъ его состоялъ пакже изъ куска горнаго хрустала повѣшеннаго на шеѣ. Суевѣрныя люди называли оный палисманомъ, ослѣпляющимъ зрѣніе всякаго путешественника, на копораго нападалъ свирѣпый Цезарисъ. — Всѣ паспухи горъ Аппенинскихъ почипали его за спрашнаго волшебника.

Ашаманъ сей получилъ хорошее образованіе въ молодости: когда невоздержные изъ Бандиповъ занимались пьянствомъ или азартными играми, Цезарисъ сидѣлъ за книгою и восхищался Петраркомъ или Тассомъ.

Въ суровое время разбойники, упомянутые грабительствомъ, собирались къ пылающему костру въ пещерѣ. Одинъ изъ нихъ начиналъ читать сонеты или повѣсти Боккачіо, сопровождаемая всегда громкимъ смѣхомъ товарищей. Звукъ смѣшенныхъ голосовъ ихъ дробился, подобно грому среди мрачнаго жилища изверговъ.

Бандиты имѣли многихъ плѣнниковъ, которыхъ ловили и грабили на большой дорогѣ къ Тиволи. Одинъ изъ нихъ, Керубини, лекарь изъ Кастель-Мадама имѣлъ несчастіе попасть въ руки сихъ разбойниковъ. Онъ рассказывалъ слѣдующимъ образомъ это происшествіе: Въ Августѣ прошедшаго года Керубини въ сопровожденіи фактора, Бартоломео Мараска, отправился въ помѣстье Кавалера Септимо Бисхи, который былъ опчаянно боленъ. — На срединѣ дороги окружили ихъ разбойники, которые похитили Керубини за Принца, вѣдущаго изъ Вегеса, начали его обыскивать и узнали свою ошибку. Часы и ящичекъ съ хирургическими инструментами были все достояніе бѣднаго лекаря. Ашаманъ, (рассказываетъ Керубини) всбѣшенный малою добычею, бросилъ ящикъ къ ногамъ мо-

имъ и объявилъ, что пребуешь выкупа за мою голову.

Со слезами извѣспилъ я его о своей бѣдноти, увѣряя, что за скудную плашу иду въ Тивали къ одному больному знакомцу. Начальникъ Бандиповъ велѣлъ немедленно писать къ нему, съ просьбою о присылкѣ 2000 палеровъ, если хочешь спасши меня отъ смерти. Съ симъ словомъ даюшь мнѣ въ руки перо и бумагу; ашаманъ начинаеть дикшовать письмо, и я, окруженный прирцашью варварами, исполняю повелѣніе начальника.

Помомъ велѣно двумъ разбойникамъ привесши креспьянина изъ Каспель - Мадама, которому поручено отнестъ письмо въ Тиволи. Ашаманъ угрожалъ мнѣ, что въ случаѣ опказа подвергнусь я жесточайшему мученію.

Я упаль къ ногамъ его, просилъ со слезами о помилованіи. рѣшилъ еще опправить письмо въ Каспель-Мадаму къ женѣ моей, съ повелѣніемъ: продашь всѣ мои пожипки и немедленно доставишь выкупную сумму. Разбойникъ, переодѣтый въ плашь креспьянина, взялся исполнить это препорученіе. Между пѣмъ поварищъ мой, факторъ Мараска, знакомился съ Бандипами, которые подчивали его пабакомъ и водкой. Онъ приспально глядѣлъ на ихъ вооруженіе, по помъ приближась ко мнѣ, сѣлъ у ближняго кушарника. — Ашаманъ, подкравшись сзади, сообщилъ

при поновѣсные фукшеля спинѣ Мареска. — Опчаянный факторъ просиль пощады; но Бандипы, связавъ ему руки и ноги, пощазили его къ ближайшей пещерѣ. — Я закрыль глаза свои и упаль въ обморокъ;—пришедъ въ памянь, услышалъ въ опдаленіи жалобные крики несчастнаго Мареска.—Чрезъ нѣсколькo минушь апаманъ возвратился ко мнѣ; въ сверкающихъ глазахъ его изображалось мщеніе. „Не бойся, поварищъ,“ (сказаль онъ охриплымъ голосомъ и обпирая кинжалъ свой опъ дымящейся крови); „мы развѣдались съ факторомъ — онъ принадлежалъ къ числу Збирровъ.“

Къ вечеру возвратился посланный изъ Кастель-Мадама съ 500 скудій:— „вошь деньги,“ (опѣвчаль переодѣшый разбойникъ); „болѣе не могъ я достать ни крона.“ — Апаманъ приняль означенную сумму и велѣль намъ успокоишься.

Я осмѣлился просиль у него обѣщанную свободу, но корыстолобивый начальникъ опѣвчаль: что ждетъ другаго посланнаго за деньгами. Уже начало смеркаться, по причинѣ шревоги сдѣланной Папскими отрядами. Бандипы должны были искать другаго безопаснаго ночлега; мы взбирались на горы, холодный вѣспрь свисталь въ разсѣлинахъ; упомленный дорогою, я упаль опъ безсилія на землю, и объявилъ апаману: что лучше хочу умереть на мѣспѣ, чѣмъ ночевать подъ опкрытымъ небомъ. — Начальникъ, схвапивъ

мою руку, сказала хладнокровно: “Одумайся, г-нь лекарь, убийшь чловѣка мы не почитаемъ важностію!”

Прибывъ къ назначенному мѣсту, Бандиты остановились для отдыха, развели огонь и, поджаря на ономъ овцу, ѣли почти сырое мясо. — На этомъ мѣстѣ я писалъ другое письмо къ моимъ пріятелямъ въ Каспелъ Мадаму, и просилъ ихъ о скорѣйшемъ доставленіи восьми сотъ кронъ; въ противномъ случаѣ Бандиты обѣщались къ утру лишитъ меня жизни. — Грегори, пастухъ Аппеннинскій, взялся снести письмо мое, съ препорученіемъ отъ разбойниковъ, украситъ, или купитъ въ городѣ для ашамана пару рубашекъ. При томъ одинъ изъ Бандитовъ предложилъ у меня отрѣзать ухо, и послать въ письмѣ съ крестьяниномъ, для убѣжденія моихъ пріятелей. — Ашаманъ опклонилъ это предложеніе и сказалъ крестьянину: „ежели ты чрезъ десятъ часовъ не возвратишься къ намъ; то Керубини будетъ брошенъ въ колодезь.“

„Ну, дѣши! (возразилъ простосердечно пастухъ), все будетъ исполнено, обходишься только по-ласковѣе съ Г. лекаремъ. „Спунай, бапюшка,“ отвѣчали разбойники, толкнувъ пастуха съ пригорка.

Смертный ужасъ обнялъ меня (продолжаетъ Керубини), когда мы вошли въ мрачную, дикую

дубраву; Бандишы сдѣлали приваль и рѣшились ночевать въ этомъ мѣстѣ. Меня положили на баранью кожу; ашаманъ и одинъ изъ его подчиненныхъ легли по бокамъ моимъ.

Я завернулся въ плащъ, чпобъ не смотрѣть на звѣрскія лица Бандишовъ, спалъ не много забываясь, но вдругъ испуганъ былъ крикомъ совы или дикаго ворона. „Что это за птица?“ спросилъ я въ безпокойствѣ. — „Ястребъ!“ отвѣчала стоящій на часахъ Бандишъ.—

Лишь только показалось упрю, одинъ изъ разбойниковъ вспалъ съ своего мѣста, побѣжалъ къ ближнему испочнику, умылся и началъ читать вмѣсто молитвы книгу: Похожденія рыцаря *Месчино*. Черезъ часъ всѣ поварихи проснулись, сняли караулы и начали совѣщываться между собою. Бодрость меня оставила, я уже приготавливался къ смерти.— „Будь покоень, пріятель, сказала ашаманъ: сегодня ты получишь свободу.“

Такъ и случилось. Къ вечеру возвратился пастухъ изъ Мадама съ боо кронь, и лекаръ Керубини получилъ свободу.

Тѣло несчастнаго Мареско нашли у воротъ города С. Грегорія, уязвленное во многихъ мѣстахъ кинжалами.

Смѣлые Бандишы грабящъ даже подъ самыми стѣнами сего города. — Они не боятся Прави-

ительства и увѣряюшь, что тогда только переспанушь занимаешь ремесломъ своимъ, когда выбранный ими парламенперъ изъ успъ самаго Папы получишь всеобщее прощеніе.

К.

в) ОБЪ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРАХЪ.

Веймаръ.—Публика наша имѣла удовольствіе, по случаю приѣзда къ намъ его Высокопревосх. Оберъ-Каммергера А. Л. Нарышкина, видѣшь въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль представленіе лучшихъ Оперъ подъ управленіемъ извѣснаго компониста Гуммеля. — Аксуръ, Агнеса, Волшебная флейта и Тайная женитьба—попеременно восхищали слушателей. Г-жа Гейгендорфъ опличалась въ ролю Агнесы, Г. Эбервейнъ въ Эммелинѣ, Унцельманъ въ ролю богини ночи показала всю прелестъ и высокостъ своего голоса. — Шпромейеръ пѣлъ превосходно партію Зороаспра; онъ безспорно можеть теперь считаться первымъ пѣвцомъ въ Германіи; звучный басъ его имѣеть равно сильный верхъ и окшаву, и опличается особенною пріятностію.—При томъ же Г. Шпромейеръ обладаетъ всѣми прелестьми спашнаго мужчины.

Магдбургъ.—4 Января сего года случилось странное происшествіе въ театрѣ сего города.—Директоръ театральной шруппы, Августъ

Фабриціусъ, родившійся въ 1768 году, окончилъ несчастную жизнь свою писподешнымъ выстрѣломъ. На театрѣ давали трагедію Донъ Карлоса. Фабриціусъ зарядилъ пистолець двумя пулями, и 5го дѣйствія въ 3 явленіи (гдѣ умираеть Маркизь Поза) застрѣльвается. Обѣ пули прошли сквозь сердце и раздробили ребра. — При анапомированіи пѣла (Фабриціуса нашли 4 унціи воды въ мозгу его. Онъ былъ похоронень 6 числа, тайно, безъ всякихъ обрядовъ; не смогря на то, пѣло несчастнаго провожали многіе друзья его и все театральное общество. — По смерти Фабриціуса, театръ совершенно опустѣлъ въ Магдебургѣ. Недавно дирекція дала чешыре представленія, изъ коихъ шолько выручены были расходы.

Парижъ.—Маленькая комедія *L'Amour et le procès*, въ 1 дѣйствіи, весьма понравилась публикѣ, хощя сія пѣса ничпожнаго содержанія, но имѣеть хорощій языкъ и легкую версификацію въ стихахъ. — *Le Diable d'argent*, новый фарсъ, данный на театрѣ *Variétés*, привель въ энпузіазмъ зрительей. Эпопъ дьяволь имѣеть дочь Расему, за копорую свапаюпся женихи: модной порпной, продавецъ духовъ и помады, сочинитель романсовъ, Аноупте и изобрѣшатель аушоклава, (закупореннаго горшка особой композиціи, для варенія мяса.)—Превосходная игра Деденпра и Одри, (акшеровъ, занимающихъ гла-

вныи роли,) сапирическія пѣсенки—все ваставляло публику громко аплодировать, при представленіи этой пѣсы.

Сочинители такихъ Водевелей обогащаются опы своихъ произведеній, по тому что они при каждомъ представленіи ихъ пѣсы получаютъ значительную часть изъ кассы театральнаго сбора. Одинъ драматическій писатель сдѣлалъ недавно выгодную спекуляцію: онъ давалъ лучшему актеру претью часнѣ изъ своей *part d'auteur*, чпобъ только артистъ старался игрой своей удовольствовать публику и шѣмъ удержатъ пѣсу его на долгое время въ репершуарѣ.

Упоминаемъ еще объ одной сапирической пѣсѣ: *Les folies du jour*, которая прибрѣла большой успѣхъ на театрѣ Водевелей. — На сцену выходитъ романтическая Муза Германіи; видъ ея печалень, въ глазахъ блистають слезы. Чпо причиною вашихъ слезъ, сударыня? Зима наступаетъ, говоритъ она и „*l'hiver est le printemps de la tombe*“, муза погружается въ задумчивость, — и Французы смѣются надъ этой „*galimatias germanique*.“

Книгопродавецъ Барбѣ издаетъ полный репершуаръ всѣхъ Комедій и Водевелей, который будетъ состоятъ изъ 270 помовъ!

На театрѣ *Porte st. Martin* между прочими пѣсами нравился особенно публикѣ *Beau Narcisse*. Въ этомъ Водевильѣ очень много оригиналь-

ности и остропы; она, особенно принаровлена къ забавному Пошье, который въ ней играетъ главную роль Нарциса. Сюжетъ пьесы очень просъ: Нарцисъ воспитывался до двадцати лѣтъ въ совершенномъ уединеннн, не видѣвъ опъ роду ни зеркаловъ, ни дѣвушекъ. Отець рѣшил- ся женить его, и одному живописцу препоручено написать портретъ Нарциса—для Юліи, будущей супруги воспитанника, въ которую влюбленъ былъ живописецъ.—Художникъ, не желая напрасно перяты времени на изображеніе уродливаго Нарциса, написалъ вмѣсто его портретъ своей любезной. Нарцисъ, видя прелестныя черты Юліи, полагаетъ, что это собственная портретъ его и влюбляется въ чужое изображеніе. Гордясь красотою своею, онъ не мыслилъ найти себѣ подругу, равную его пределямъ; но наконецъ узнаетъ печальную истину. Милая Юлія показывается Нарцису, и, желая проучить самолюбиваго урода, отдаетъ руку живописцу. Нѣкоторыя сцены прекрасны, и Пошье, въ роля Нарциса, до энтузіазма забавляетъ публику.

Въ Лондонѣ, на Ковентгарденскомъ театрѣ играли недавно новый балетъ *Жоконда*.—Одинъ приверженець Королевы вздумалъ произвестъ всеобщее смятеніе въ театрѣ. Онъ увѣрилъ публику, что на ономъ панцовщики всѣ родомъ Итальянцы; народъ, озлобленный на эту націю (по

поводу процесса Королевы), хотѣлъ было осадить сцену и разогнать мнимыхъ Итальянцевъ.—Наконецъ открылось, что панцовщики были Французы, и публика успокоилась.

Славный Англійскій актеръ Кинъ, (который отправился недавно въ Сѣверную Америку, чѣмъ блеснулъ въ оной своими драматическими талантами), имѣеть спрасъ къ шарлатанству особеннаго рода: онъ ссорился нѣскольکو разъ съ Дирекціею за неапральные афиши, и пребодалъ настоятельно, чѣмъ фамилія его въ оныхъ печаталась большими заглавными литерами, т. е., полвершкомъ крупнѣ фамилій другихъ актеровъ!

г) Ж И В О П И С Ь.

Состояніе изящныхъ искусствъ въ Нидерландахъ.

Слава Рембранта, Рубенса, Ванъ-Дика, Вувермана и проч. оживила снова Нидерландцевъ. Сіи Геніи, кажешся, придали крылья новымъ художникамъ къ достиженію прекраснаго. Правительство поддерживаешъ и благодѣтельствуешъ вознагражденію талантовъ въ своемъ отечествѣ:—Академіи Живописи и Ваянія, училища искусствъ, Музеумъ анпиковъ и картинъ, ежегодныя экспозиціи, и богатые призы для художниковъ—служащъ доказательствомъ ея попеченій.

Между историческими живописцами первое мѣсто долженъ занять Г-нь Мориць. Богатство въ композиціяхъ, сила и благородство въ выраженіи, искусное сліяніе тѣни и свѣта — есть отличительные признаки таланта Г. Морица. Онъ учился въ Парижѣ у славнаго живописца Давида, попомъ ѣздилъ въ Римъ, гдѣ имя его сдѣлалось извѣстнымъ всѣмъ любителямъ и покамъ сего искусства. Мориць также извѣстенъ въ Голландіи, какъ отличный Магематикъ; онъ сдѣлалъ два автомана, которые возбуждали большое удивленіе въ публикѣ.

Второе мѣсто занимаетъ историческій порепный живописецъ Г-нь Годкесь. Эпопъ художникъ отличаетъ превосходнымъ колоритомъ и въ тщательной обработкѣ не только главныхъ фигуръ, но и постороннихъ предметовъ въ картинѣ.

Де Лели раздѣляетъ такъ же съ ними большую славу и отличаетъ особенно своими Tableaux de genre, въ которыхъ онъ неподражаемъ. Пинеманнъ извѣстенъ по своимъ глубокомысленнымъ изобрѣшеніямъ; его картина, сраженіе при Quatre-bras, заслужила всеобщую похвалу любителей, хотя она имѣетъ довольно и недоспашковъ.

Фанъ-Брее, первый Профессоръ Королевской Академіи Художествъ въ Антверпенѣ, принадлежитъ безспорно къ числу отличнѣйшихъ Ху-

дожниковъ въ Голландіи. Въ историческихъ картинахъ его видна благородная композиція, превосходныя группы и блестящій колоритъ. Лучшее его произведеніе есть: осада города Лейдена.

Полингъ, порпурепный живописецъ, занимается такъ же историческими картинами, но кисть его жестка, фигуры грязны и темны. Лучшая изъ картинъ его есть: сраженіе при Вашерлоо.

Сельсъ, по чистотѣ рисунка, нѣжной кисти и пріятному колориту, имѣетъ большую наклонность подражать Италіанской школѣ.

Моль, одинъ изъ любимыхъ порпурепныхъ историческихъ живописцевъ въ Голландіи, отличаетъ ся выборомъ хорошо обдуманыхъ сценъ, свѣтлаго колорита и нѣжности въ положеніяхъ.

Фершпигъ есть близкій подражатель Англіискому живописцу Доову. Онъ есть единственный Художникъ въ Голландіи, который производитъ большой эффектъ чрезъ искусственное освѣщеніе.

По части ландшафтной живописи есть счастливые подражатели Рюйсдалю и Бопу, въ Голландіи.

Фанъ Дрильздъ, представляетъ прелестнѣйшія мѣстоположенія; Идиллическія группы его окружены чистымъ и прозрачнымъ свѣтомъ, Жаль, что къ ясности и нѣжности кисти сво-

ей, онъ не можеть присоединить силы въ картинѣ.

Гильсвидъ соединяеть въ себѣ всѣ качества превосходнаго пейзажиста; онъ мастерски умѣеть пользоваться свѣтомъ и тѣнью въ картинахъ, которыя обворожаютъ зрѣніе и восхищаютъ душу.

Фанъ Осъ—есть между Голландцами первый рисовальщикъ звѣрей.

Барбье, близкой подражатель Природѣ, обладаетъ особеннымъ талантомъ изображать спарыя деревья и разбитые пни.

Эльгергюйсъ, актеръ Амстердамскаго театра, по части живописи приобрѣлъ большую славу въ своемъ опечесствѣ. Онъ превосходно изображаетъ улицы, церкви и площади, и имѣеть большія познанія въ перспективѣ.

Книпъ, путешествуя долгое время по Италіи, получилъ превосходное образованіе по части ландшафтной живописи. Онъ написалъ большую коллекцію Италіянскихъ видовъ, и заслужилъ всеобщую похвалу выспавкою оныхъ въ Антверпенѣ.

Никбауеръ, изъ Фризланда, отлично пишетъ бурные морскіе виды. — Его картина: бомбардированіе Алжира въ ночи 1816 года, показываетъ необыкновенный талантъ Художника. Между счастливыми подражателами и даже со-

перниками Никбауера замѣшимъ : Кёккена, Канинга, Шумана и Шопеля.

Въ ваяніи Голландцы весьма опспали опъ прочиѣхъ народовъ, и въ печеніи нѣсколькихъ вѣковъ не могли произвести ничего достойнаго замѣчанія. Между пѣмъ почитаемъ мы обязанностію упомянуть о ваяшелѣ Габріэлѣ, который жилъ нѣсколько лѣтъ въ Римѣ и былъ изъ лучшихъ учениковъ Кановы.

Парижъ.—Между превосходнѣйшими карпинами въ экспозиціи прошедшаго года упомянемъ о чепырехъ оригиналахъ, представляющихъ смерть Тасса: произведеніи кисти извѣстнаго живописца Дюсиса, племянника славнаго Спиховорца того же имени, и зятя превосходнаго акпера Тальмы. Художникъ представилъ главныя эпохи жизни знаменитаго пѣвца Соренпскаго и прудился надъ сими карпинами около десяти лѣтъ. Вдовспвующая Принцесса Тальмонпъ купила оныя для украшенія своей гостинной комнапы: —

Первая карпина представляеть Тасса, читающаго Принцессѣ Леонорѣ эпизодъ изъ Поэмы Освобожденнаго Іерусалима, въ которомъ сія Принцесса, споль пламенно любимая Торкватомъ, представлена была подъ именемъ Софроніи. Лице Поэта имѣло еще тогда всю свѣжестъ юности, надежды, любви и счастья.

Вторая — представляет Тасса заключенного в темницу, когда несчастный Поэтъ съ опчаянія сдѣлался сумасшедшимъ и въ котормъ состояніи заспалъ его Михайла Монпанъ, проѣзжая въ то время чрезъ Феррару.

В третьей—видѣнь стихопворецъ покрытый рубищемъ; освободясь изъ темницы, приходитъ онъ въ мѣсто отчизны, къ родной сестрѣ своей Корнеліи. Тассъ хочетъ испытать ее, думая что время и несчастія Поэта сдѣлали большую перемѣну въ душѣ чувствительной Корнеліи. Онъ объявляетъ себя посланнымъ отъ Тасса и отдаетъ письмо сестрѣ своей. Тронутая бѣдствіями брата, Корнелія проливаетъ слезы; пылкій Торкватто, не имѣвъ силы выдержать этой сцены, бросается къ ногамъ Корнеліи и — опкрываетъ свою хирлосость.

Четвертая—представляетъ погребеніе Стихопворца въ монастырѣ св. Онуфрія, въ тотъ самый день, когда творцу Освобожденнаго Іерусалима назначенъ былъ шріумфъ въ Капиполіи.

д) М У З Ы К А.

Пиччини написалъ новую Оперу въ Туринѣ, подъ названіемъ *il Califò di Bagdad*. Газета Піэмонская назвала Пиччини *Pastro novello delle arte*, и возвысила до небесъ эту Оперу.

Венгерскій Баронъ Праунъ, который во всѣхъ газетсахъ и журналахъ западной Европы признанъ

за чудо, но по тому, что въ опроческихъ лѣпахъ обладаетъ превосходнымъ талантомъ играть на скрипкѣ, — давалъ недавно два концерта въ Римѣ, и заслужилъ похвалу и удивленіе Ипальянцевъ.

Миланское Правительство приняло Майербергера съ большимъ уваженіемъ. Оно поручило ему написать новую Оперу для Карнавала 1821 года; но такъ какъ Майербергеръ уже занимается Оперою для Римскаго театра, то и намѣренъ не прежде 1822 года удовольствоваться Миланцевъ.

Россини ѣдетъ въ Парижъ. Говорятъ, что со времени его прибытія будутъ на здѣшнемъ Ипальянскомъ театрѣ двѣ новыя опера buffa.

Копенгагенъ.—Музыка въ нашемъ городѣ находится въ самомъ цвѣтущемъ сосисянніи; мы имѣемъ многихъ виртуозовъ въ оркестрѣ нашего театра, который теперь находится подъ управленіемъ Г. Шалля. Многіе виртуозы Даніи извѣстны во всей Европѣ: Куланъ, Леммингъ, Тимропъ, Вексаль и братья Андерсены.—Признаемся, что Датская Опера не такъ хорошо идетъ на сценѣ, ибо есть довольно плохихъ пѣвцовъ; за то превосходный оркестръ выводитъ ихъ изъ бѣды, и зрители обворожаются волшебною музыкой.

Недавно пріѣхалъ къ намъ славный Саксонскій Капельмейстеръ, Карлъ Марія Веберъ, и давалъ въ театрѣ огромный концертъ, въ ко-

шоромъ участвовали многіе иностранные и отечественные вирпуозы.

Берлинъ. — 8 Декабря Г-нь Вимерцапи даваль здѣсь концертъ на мандолѣ: инструментъ подобный Итальянской мандолинѣ, но съ коропкимъ грифомъ и съ 11 струнами. Вимерцапи игралъ превосходно на ономъ, показаль удивительное проворство и разнообразную апликашуру.

Декабря 15.—Г. Арнольдъ на возвращномъ пути къ Петербургу даваль такъ же здѣсь новый концертъ на форпиано своего сочиненія, и удивиль публику быспрою и почною игрой своей. Супруга Арнольда, ученица Гжи Шмальць, пѣла арію изъ *Титова милосердія* Моцарта, акомпанированную на кларнетѣ Егеромъ, такъ же Россиніеву *Gazza ladra*. Гжа Арнольдъ имѣеть пріянный и мягкій голось; послѣднею аріей заслужила она всеобщее одобреніе слушателей.—

Декабря 17.—Славная пѣвица, Гжа Булгари, показала такъ же свое искусство въ концертѣ. Она пѣла арію: *Oh commando*, съ хоромъ соч. Майера, Россиніеву *Senegentola: Naequi all'affano*, вариация на Венеціанскую пѣсню *La biondina in gondoleta*, соч. Пера и проч. — Гжа Булгари однакожь не понравилась Берлинцамъ: они, не смотря на пріяпность и высокость ея голоса, находили въ ней многіе недоспашки.
